

ВАЛЕРИЙ ЧЕРНЫХ

РАЗБУДИ В СЕБЕ

ЗВЕРЯ

16+

Валерий Черных

Разбуди в себе зверя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63462283

SelfPub; 2020

Аннотация

Спортивная карьера молодого и очень успешного шведского бойца ММА русского происхождения Дениса Линда внезапно разрушена им же самим: в одном из поединков он чуть не убил своего соперника, в приступе ярости покалечив также и судью на ринге. Как итог – пожизненная дисквалификация, депрессия, потеря смысла жизни. Но возвращение в Россию и смена рода деятельности вовлекают Дениса в такой невероятный круговорот событий, где и жизнь, и люди, и он сам как личность раскрываются для него с совершенно новой стороны. Наркотики и цепочка тех, кто их распространяет, «социальное партнерство» бизнесменов, бандитов и представителей правоохранительных структур, хитросплетения подковерных игр и схемы движения денежных ручейков и потоков, развлечения «золотой молодежи». «Зверь есть в каждом из нас», – утверждает автор через слова и поступки своих героев. Может, это грозный лев? Или трусливый шакал? И если этот зверь разбужен, что с этим делать? Укрощать, или этот зверь – лучшее, что есть в тебе.

Валерий Черных

Разбуди в себе зверя

Берсерк создан для победы.

Берсерк создан для подвига.

Берсерк создан, чтобы его уважали и боялись...

Сон походил на бестолковый кошмар. Он будто застрял, завис в кромешной тьме. Вязкая, густая, она окутывала всё вокруг, давила на грудь, затрудняя дыхание. «Внимание, дом окружен!» – заревел металлический голос в ушах. Он попытался приподняться, но тело не слушалось. Грохнули выстрелы, в нос ударил резкий запах пороховой гари. Вадим Орлов закашлялся и с трудом разодрал слипшиеся ресницы. Выстрелы и искаженный мегафоном голос не исчезли вместе с пробуждением. Он нервно вытер ладонью мокрый от слюны рот и резко тряхнул головой, пытаясь прогнать остатки сна. Движение отдалось резкой болью в висках, Вадим непроизвольно застонал. «Как же так, выпили-то немного, а такое похмелье. И что вообще происходит? Кто стреляет?» Он тяжело сполз с дивана и на четвереньках двинулся к окну. Держась за стену, встал на ноги, прижался плечом к простен-

ку и осторожно выглянул на улицу. Первый ноябрьский снег во дворе был вытоптан многочисленными бойцами ОМОН, которые стреляли по окнам второго этажа, перебегая между машинами. Сверху раздалась автоматная очередь, пули подняли фонтанчики снега, омовцы залегли. Орлов с усилием оторвался от стены и, тяжело ступая на ватных ногах, с трудом добрался до лестницы, ведущей на второй этаж офиса.

– Тагир! Тагир, твою мать! – глухо прохрипел он, задрал голову вверх.

Выстрелы на втором этаже стихли, через секунду сверху раздался звук разбитого стекла и грохнул взрыв гранаты во дворе. Вадим, тяжело переставляя ноги и опираясь на стену, медленно преодолел два пролета. Опасаясь шальных пуль, медленно, сантиметр за сантиметром, он высунул голову из-за косяка двери и осмотрел обширный зал, который служил ему кабинетом. То, что он увидел, не укладывалось в голове. Посередине, раскинув руки, лежали тела двух его охранников, а в стене, позади рабочего стола, чернел пустотой открытый сейф. Вчера утром он лично положил туда два миллиона долларов, однако сейчас их там не было. Окна напрочь были вынесены ураганным автоматным огнем, который беспрерывно вели омовцы. Орлов двинулся вдоль по коридору, увидел открытый люк на чердак, приставленную к проему лестницу и мысленно выругался.

– Тагир! – вновь позвал он своего заместителя.

Ответа не последовало. Вчера они пили вместе, и сейчас

Тагир должен быть в офисе, однако, по-видимому, ушел через чердак в соседний подъезд особняка.

– Су-у-у-ка! – прохрипел Орлов.

По лестнице загрохотали армейские ботинки. Вадим тяжело повернулся всем телом навстречу бегущим по коридору бойцам в камуфляже. Он поднял руки, открыл пересохший рот, пытаясь что-то крикнуть, но удар прикладом автомата прервал его попытку.

Своего родного отца Денис никогда не видел, а мама никогда не вспоминала о нем. Только однажды в ответ на его расспросы она бросила короткую фразу:

– Если бы не твое появление, я бы вообще считала этого человека самой страшной ошибкой в своей жизни.

До десяти лет Денис жил в Санкт-Петербурге. Когда его мать неожиданно выскочила замуж за финна и увезла сына за границу, он воспринял это довольно трагично. Школа, друзья, привычная обстановка – всё осталось где-то в прошлой и такой, как ему казалось, налаженной жизни. Финн, которого звали Матс Линд, на поверку оказался шведом. Это в начале их знакомства Денис решил, что раз они уезжают в Финляндию, значит, новый муж мамы – финн. Матс был совладельцем шведской фармацевтической компании, основанной еще его дедом, и руководил финским филиалом. Подроску не хватало мужского общения, однако первое время Денис воспринимал Матса с осторожностью, но затем просто

привязался к отчиму и даже полюбил его. Как выяснилось, Линд не мог иметь детей и с радостью принял десятилетнего пасынка, тем более что Денис очень походил на скандинава. Светлокожий, голубоглазый, со светло-русыми волосами, правильными чертами лица и мужественным подбородком. Последняя деталь, по-видимому, досталась ему от отца, так же, как и широкие плечи, и развитая мускулатура. Ему не приходилось прикладывать особых усилий, часами таская железо для наращивания мышц. Парень обладал некой генетической предрасположенностью, поэтому даже простые упражнения с собственным весом давали потрясающие результаты.

Вскоре Денис ударился в спорт. Он занимался всем подряд, часто меняя виды, и наконец остановился на единоборствах. И здесь он не смог сразу выбрать ни один из видов и перепробовал почти всё, что предлагали спортивные клубы в их городе. По большому счету, ему было всё равно, чем заниматься, лишь бы иметь возможность биться в полный контакт. Парню не нужно было учиться драться. Казалось, насилие заложено в нем на генном уровне. Кто-то тренируется годами и никак не может научиться сдерживать свой страх перед схваткой. Денис же просто выходил на бой, и всё происходило само собой. Удар, нырок, уход от нападения, снова удар – и противник уже лежит. Бокс, кекусинкай каратэ, аси-хара каратэ, полицейское дзю-дзюцу, кэмпо – он перепробовал всё и в итоге остановился на боевом самбо. Бойцов

на соревнования разного уровня отбирали очень тщательно, так как для успешного применения полученных знаний им также была необходима высокая психологическая устойчивость. А у Дениса с этим возникли определенные проблемы. Пропуская удары, он начинал впадать в неконтролируемую ярость и почти полностью прекращал думать. Мозг отключался, и боец бросался в атаку с яростью дикого зверя. Иногда это приносило успех, но чаще всего он утрачивал контроль и проигрывал. Тренер пытался исправить ситуацию и довольно много занимался с ним психологической подготовкой. Через полгода его титанические усилия принесли первые плоды. На очередном чемпионате Денис был вне конкуренции, пройдясь, как тяжелый каток, по своим соперникам. Бился он с остервенением, словно на карту поставлена его жизнь, и напоминал жуткую машину для уничтожения. Это был первый и последний успешный турнир, в котором он выступал за свой клуб. Через месяц умер отец Матса, и они вынуждены были переехать в Швецию. Денис ненавидел перемены. Он резко отрицательно отнесся к переезду в чужую страну, замкнулся, стал капризным и раздражительным. Только новый тренер, который оказался выходцем из России, помог родителям привести его в норму. И вообще, этот клуб и условия тренировок не шли ни в какое сравнение с его прошлой командой. Успех не заставил себя ждать. За три года Денис стал призером многих международных турниров.

Линды были небольшой семьей, а если говорить честно, то после смерти отца Матса очень небольшой. Если исключить очень дальних родственников, с которыми последний из рода Линдов практически не общался, то единственным наследником стал его приемный сын. Когда Денису исполнилось девятнадцать и он окончил школу, то не ушел из родительского дома, как большинство его сверстников. Он почти год отработал в фирме отца курьером, не прерывая тренировок. Практически Денис просто числился на работе, посвящая всё свое время занятию любимым спортом. Тот год ознаменовался для него переходом в любительское ММА. Смешанные боевые искусства (часто называемые «боями без правил») представляли собой сочетание множества техник, школ, направлений единоборств. Это как нельзя лучше устраивало Дениса. Он давно мечтал заняться этим спортом, считая такой вид самым приемлемым для себя. Шлемы, накладки на ноги, пятиугольный рейдж, где проходили поединки, – всё было в новинку и приятно радовало. Его мастерство росло день ото дня, и тренер делал на него большие ставки. Тогда же, по настоянию Матса, он поступил в университет и по прошествии трех лет получил диплом менеджера. За полтора года до окончания обучения судьба свела его с одним эмигрантом из Израиля. Бывший офицер спецподразделения израильской армии зарабатывал, давая уроки самообороны домохозяйкам. Смуглый, почти двухметровый гигант под сто килограммов весом, с впечатляющей, ре-

льефной мускулатурой производил неизгладимое впечатление на женщин, и от желающих посещать его курсы не было отбоя. Денис случайно узнал, что парень в совершенстве владел крав-мага – разработанной в Израиле военной системой рукопашного боя. В отличие от многих единоборств, её предназначение – обеспечить физическое выживание, а не духовное самосовершенствование. Как при обороне, так и при нападении всё построено на использовании рефлексов человека. Для достижения спортивных успехов на ринге эта система практически бесполезна, но для выживания на улице, при нападении вооруженного противника, она была незаменима. Он выпросил у отчима дополнительные деньги на оплату уроков и начал тренироваться. Через год, в сочетании с навыками, полученными на занятиях по боевому самбо, он мог выстоять даже против группового нападения. Хотя кулаки у Дениса чесались не по-детски, применить эти навыки на практике случай не представлялся. Зато впереди маячила успешная карьера профессионального бойца с многомиллионными контрактами. Но непредвиденный случай перечеркнул всё. Очередной турнир, где на пути к финалу он громил всех своих соперников, легко и непринужденно справляясь с ними, закончился довольно драматично. В финальном бою было всё не так легко, он был сложный. Противник, физически очень крепкий, в прекрасной форме, спустился с более высокой весовой категории и был тяжелым соперником в прямом смысле слова. Денис выгрызал победу зубами,

выигрывая с минимальным преимуществом. В самом конце схватки, когда у бойцов практически не осталось сил, Денис понял, что выигрывает. Движения его соперника становились всё более вялыми, в его взгляде сквозило апатичное бессилие, которое вскоре сменилось злостью и отчаянием. Денис приготовился провести решающий прием, но неожиданно противник захватил пальцы его левой руки и резко вывернул. Это был запрещенный прием. Что-то тихо хрустнуло, боль и слепая ярость затмили рассудок. Еще до того, как судья успел остановить бой, он поднырнул под руку соперника и сразу же провел жесткий удар локтем в солнечное сплетение. Это тоже был запрещенный прием. Противник был полностью деморализован. Судья попытался предотвратить расправу, но Денис машинально двинул его локтем в печень. Корчась от боли, рефери мгновенно свернулся калачиком на полу. Затем Денис принялся методично избивать соперника, и только вмешательство его тренера позволило избежать фатальных последствий. В итоге соперник Дениса неделю пролежал в коме, судью пришлось оперировать, а несостоявшегося чемпиона после долгих разбирательств пожизненно дисквалифицировали за неспортивное поведение. Его отлучили не только от соревнований. Запрет распространялся и на тренировки, и даже на посещение бойцовских клубов. Жизнь остановилась, был потерян смысл существования. Все его усилия, вложенный труд пошли прахом. Кажется, что его провернули через мясорубку и превратили в

противно пахнувший фарш. Почти месяц он провалился дома, тупо глядя в потолок. Денис не знал, что такое похмелье, но его нынешнее состояние напоминало именно это. Веселая вечеринка закончилась, обернувшись страшной утренней депрессией. И как вернуть состояние безграничной уверенности в себе, которое сопровождало его в последние годы, состояние всемогущего победителя, он не знал. Никакие попытки матери и отчима как-то расшевелить сына не имели успеха. Неожиданно для себя он обнаружил, что у него и друзей-то настоящих нет. Просто были ребята, с которыми он проводил свободное время, была девушка, которую, как ему казалось, он даже любил. Однако чемпион кончился, и сейчас, после инцидента, все стали как-то по-другому относиться к нему. Денис чувствовал напряженное отчуждение с их стороны и, как следствие, сам не хотел никого видеть. Оставался только друг детства – Мишка Савин, самый близкий друг, еще со времен начальной школы. Тогда они ни дня не проводили друг без друга, однако когда мать и Денис переехали, друзья постепенно отдалились. Денис несколько раз приезжал в Петербург, и тогда они встречались и, как в раннем детстве, гоняли по улицам северной столицы. Только с появлением у ребят мобильных телефонов их общение приобрело регулярный характер, и хотя их интересы были довольно разными, они продолжили тесное общение. Окончив школу, Миха уехал учиться в Москву, а после получения диплома остался жить в столице. И сейчас, как он сам вы-

ражался, «что-то мутил» там по компьютерной теме. Мишка был парнем позитивным, никогда не унывал, во всём выискивая положительное. Если где-то убывает, значит, где-то должно прибывать, и стоит подумать, как извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Последние несколько лет он регулярно мотался к Денису в Швецию, поэтому у него всегда была действующая виза, и как только узнал, что друга постигло несчастье, не раздумывая рванул в аэропорт. Только по приезде Миха реально оценил масштаб трагедии, и психологическое состояние Дениса ему очень не понравилось. Мишка попробовал переключить его сознание на другие темы, представить жизнь как игру, в которой не бывает проигрыша. Но, увы, видимо, сейчас достучаться до Дениса было намного сложнее, чем просто переключить телевизионный канал или включить музыкальную запись.

– Дэн, а переезжай ко мне, – неожиданно предложил он, исчерпав все средства убеждения.

Денис не сразу понял, куда зовет его друг, и решил уточнить:

– Ты что имеешь в виду? Куда к тебе?

– В Москву, – пояснил Миха таким тоном, как будто речь шла о простой загородной прогулке.

Дэн вытаращил на него глаза и крутанул пальцем у виска.

– Ты че, больной? На хрен я там нужен? Что делать буду?

– А здесь что делать будешь?

Денис пожал плечами. Что делать дальше? Над этим он

не задумывался, окунаясь раз за разом в собственные обиды и переживания. В мыслях он мечтал, что вот-вот все одумаются и прибегут к нему с просьбой вернуться. Ведь он не простой спортсмен, он чемпион, он победитель! Таких один на тысячу!

– Не знаю, – буркнул он. – Может, ты ко мне переберёшься?

Миха замахал руками и засмеялся.

– Шутишь?! Вот я-то тут действительно никому не нужен. Да я даже язык толком не знаю. Да и дело у меня в Рашке налажено. А у тебя здесь – как в стойле. Ни вправо, ни влево. Только дернешься – и уже полиция или налоговики за тобой гонятся. Никакой свободы личности.

– Для жуликов – да. Никакой, – согласился Денис.

– Так уж и жуликов, – обиделся Миха. – Ничего криминального я не делаю. Просто некоторые вещи не получается проворачивать без нарушений. А здесь за этим уж очень строго следят.

Денис устало отмахнулся. Этот спор периодически возникал между ними, и никто не мог доказать свою правоту, оставаясь каждый при своем мнении.

– И еще одно. Там ты сможешь продолжать тренироваться и даже в соревнованиях участвовать. В России плевать хотели на все ваши дисквалификации и запреты.

– Так на официальные соревнования меня все равно не выпустят. Ни в России, ни в Европе.

– И что?! Только Москва больше вашей Швеции вместе с Финкой. Знаешь, сколько желающих найдется морду тебе набить?

Денис криво усмехнулся: «Набить морду! Мечта!» Он потер подбородок и тоскливо вздохнул.

– Давай поднимай жопу! Пойдем куда-нибудь, отвиснем, а то ты на меня тоску нагоняешь, – решительно заявил Мишка.

Денис кивнул и, нарочито кряхтя, поднялся с кровати.

Они бродили по улицам, разглядывая неоновые вывески, окна ресторанов и кафе, где сидели за столиками праздные и счастливые люди, магазины с нарядными манекенами. Через пару часов друзья уже вяло перебрасывались словами, устав от бесцельной прогулки по улицам. Наконец Миха замер перед входом в один из многочисленных баров и вопросительно посмотрел на своего друга. Он знал, что Денис не жалуется такого рода заведения, но тот равнодушно пожал плечами и кивнул.

В баре было почти пусто: две пары посетителей и какой-то старик с помятым лицом за барной стойкой. Ребята устало плюхнулись на полужесткий диван и заказали напитки. Мишка с блаженным выражением лица потягивал виски, ощущая, как уходит усталость. Денис же сидел с отрешенным видом, даже не притронувшись к стакану с соком. Видимо, прогулка не отвлекла его от грустных мыслей о будущем. Он сквозь зубы, иногда невпопад, поддерживал разговор. Через полчаса со стороны входа в бар послышался

громкий смех. Трое парней спортивного вида в сопровождении девушки заняли свободный стол. Среди них выделялся один: коротко стриженный, широкоплечий. Сразу было видно, что он являлся лидером этой компании. Когда все расселись, девушка устроилась у него на коленях. Плотная, в голубых джинсах и толстом свитере с широким воротом, на который ниспадали светлые, гладко зачесанные волосы. Мишка мельком взглянул на нее и тут же отвел глаза. Такой тип женщин не привлекал его. Впрочем, он давно убедился, что здесь с красивыми женщинами просто беда. Ему даже показалось, что шведки совершенно не заботятся о своей внешности. В России их назвали бы жирными: упитанные, коренастые, с крепкими ногами и руками, явно не модельного вида. На самом же деле просто очень мускулистые, однако такие стандарты совсем не заводили его. Он отвернулся, поднял стакан, но замер с удивленным выражением на лице. Денис застывшим взглядом смотрел на компанию, и на его губах играла презрительная улыбка. Миха вновь обернулся. Компания тоже смотрела в их сторону, а девушка медленно сползла с колен крепыша и села в кресло, уткнувшись взглядом в стол. Через пару минут игры в гляделки Денис поднял руку с выставленным средним пальцем. Вся компания, как по команде, повернула головы и уставилась на своего вожака. Тот резко поднялся с места и двинулся в их сторону.

– What do you want? – прохрипел стриженный, остановившись напротив.

– Пошел в жопу, – не вставая с места, бросил Денис ему в ответ.

Он почему-то выдал это по-русски, но стриженный уловил интонацию и, выставив вперед руки, бросился на Дениса. Было непонятно: то ли он хотел ударить, то ли имитировал удар, но реакции ему явно не хватило. Денис, не меняя позы, двинул ему в пах ногой, и когда тот непроизвольно согнулся, врезал открытой ладонью по горлу. Доли секунды – и стриженный хрипел, стоя перед столиком на коленях. В баре наступила гробовая тишина. Мишка лихорадочно пытался представить последствия этого инцидента. Он не понимал, что вообще происходит, кто эти ребята и что они хотели от них.

– Блевотина! Пошли, Миха, – процедил Денис с каменным выражением лица.

Он поднялся с места, пропустил Михаила вперед и двинулся следом. Только когда за ними закрылась входная дверь, все бросились к лежащему на полу.

Друзья медленно двинулись по ярко освещенной улице, и Мишка периодически оглядывался, ожидая появления полиции.

– Хватит трястись, – успокоил его Денис. – Проблем не будет.

– Кто это был? – нетерпеливо поинтересовался Миха.

– Одноклубник. Тренировались вместе. И телка моя с ним, – пояснил Денис. На секунду запнулся и добавил: –

Бывшая.

– Понятно.

– Что тебе понятно?! Я позавчера с ней по телефону общался. Хоть бы слово сказала. Корова!

Мишка хотел развить тему насчет коровы, но счел за благо промолчать, чтобы ненароком не обидеть друга. Все-таки она раньше была его девушкой, и не известно, какие чувства он продолжал испытывать к ней.

– Ты не переживай, – решил он успокоить друга.

Денис остановился и почесал затылок.

– Ты знаешь, удивительно, но вообще не переживаю. Глянул сегодня на нее со стороны – чистый крокодил, только трахается отлично. А вот хахаль ее напрягает. Главное, я его чуть ли не лучшим другом считал. Столько лет вместе выступали. А когда меня дисквалифицировали, он радовался как ребенок. Гнида! А может, и хорошо, что так. Так вовремя. Представь, что я бы жизнь с ними рядом прожил, а потом оказалось, что всё это мираж.

– Мираж? Ты о чем?

– Обо всем этом! Друзья, город этот, мое существование здесь. На поверку реальностью оказались только семья и ты. Даже тренер, и тот слился. Мычит какой то бред. А еще земляк!

– Ты что, этому парню дорогу перешел?

– Получается так. Я всегда первый на турнирах. Вся слава мне доставалась. Ну а теперь он вне конкуренции, теперь он

первый в клубе. Правда, чемпионом вряд ли станет, но на местном уровне он звезда. Яйца только подлечить придется, – тихо заржал над своей шуткой Денис.

Через два дня Миха умотал в Москву, но практически каждый вечер докучал ему настойчивыми рассказами о прелестях столичной жизни в России. Денис не сразу воспринял всерьез идею с переездом, но со временем она всё более и более казалась ему самым простым выходом из сложившейся ситуации. Тем более его всегда тянуло в Россию, и это чувство было непреодолимым. Еще в детстве, с каждым приездом на родину, оно охватывало его всё сильнее и сильнее. Ну и, конечно, русский язык. При том, что он знал несколько языков, ничто не могло заменить родной. Мама с детства заставляла его читать русскую классическую литературу на языке оригинала. Упорно прививала любовь к изобразительному искусству и музыке. Правда, в последнее время он стал предпочитать классике криминальные детективы, благодаря чему его лексикон пополнился словами и выражениями, от которых иногда ее корбило. Он даже телевидение предпочитал смотреть российское. Идея двинуть к Мишке начинала занимать все его мысли, и только предполагаемая реакция матери пока останавливала. Мама вообще никогда и слышать не хотела ни о каком возвращении. В ее памяти стальной иглой засели ужасы, пережитые в 90-е годы, и страна, из которой ей удалось вырваться, казалась всё той же темной, лежащей в руинах после перестройки, с го-

лодным и озлобленным населением. В то время Анна Викторовна Белова, искусствовед по образованию, дочь старшего научного сотрудника Эрмитажа, вынуждена была работать на рынке. Само по себе это было не смертельно, но никогда она не чувствовала себя так унижительно, как тогда. Она ни дня не работала по специальности, потому что сразу после университета ей пришлось искать работу, где платили деньги, на которые они с мамой могли бы прокормиться. Отец умер год назад, мама часто болела, и единственной, кто мог содержать семью, оставалась Аня. Она по двенадцать часов торчала за прилавком, и казалось, что так будет всегда. И тут появился он. Коротко стриженный, в черной кожаной куртке и модных широких штанах. Уверенный, в меру грубый, сильный и, как казалось, надежный. Он без лишних ухаживаний сразу взял её в оборот, не давая времени адекватно оценить его. Она так устала от окружающей действительности, что, практически не задумываясь, бросилась в водоворот отношений с ним. Через месяц Аня узнала, что беременна. Три года она прожила в счастливом неведении о реальном роде занятий своего мужа. Заботы о сыне и больной матери не давали времени задуматься, откуда берется благосостояние, которое окружало ее всё это время. Три года, как один день, а потом черная дыра. Его арестовали за убийство. На проверку любящий отец и муж оказался простым бандитом, и началось: обыски, допросы. Мама не выдержала всего этого, угасла за три месяца. Впрочем, и сама Анна была близ-

ка к тому, чтобы свести счеты с жизнью. Только маленькое родное существо останавливало её. Через полгода состоялся суд, и мужу дали пятнадцать лет с конфискацией. Монстр, чудовище! На заседаниях суда она слышала столько мерзости о нем, что навсегда вычеркнула из своей жизни этого человека. Следующие семь лет стали битвой за выживание, и наконец она встретила Матса.

Это в молодости ты не боишься ничего, даже смерти. Тебе кажется, что всё это далеко-далеко в будущем. Только с возрастом всё пережитое возвращается к тебе и порой накрывает тяжелой удушливой волной. Как ты смог всё это вынести, остаться в живых, не сгинуть в пучине перемен, как тысячи твоих соотечественников, не оказаться за решеткой, не спиться. Иногда, по ночам, она просыпалась в их уютном коттедже на берегу озера и подолгу лежала без сна, с благодарностью и любовью глядя на мерно похрапывающего мужа. Многое изменилось с того лихого времени. Да и воспоминания стали зыбкими, нестрашными и практически исчезли за давностью лет. Во время редких посещений Питера она видела кардинальные изменения, происходящие в стране. Чистые улицы, новостройки. Город преобразился и приобрел европейский лоск. Преобразилась и культурная, общественная жизнь горожан. Однако в последние годы европейские СМИ начали очередную антироссийскую кампанию, и её страхи вспыхнули с новой силой. Страх – самая ядовитая эмоция. Он поселяется в мозгу и постепенно разъедает его,

убивает всё внутри тебя, не дает адекватно оценивать происходящее.

Денис прекрасно понимал, что ему одному будет не под силу сломить мамино сопротивление. Оставалось надеяться на Матса. Каково же было его удивление, когда через два дня отчим сам начал разговор на тему, которая занимала все его мысли. Матс тоже опасался неадекватной реакции супруги, поэтому выбрал момент, когда она отсутствовала дома, и пришел в комнату сына.

– Ну что, Дэн, – осторожно начал он разговор, – какие планы? Надумал что-нибудь?

Денис несколько настороженно глянул на него, решая, как бы помягче преподнести идею своего отъезда.

– Думаю, мне нужно начинать работать.

– Вот и я хочу поговорить об этом, – оживился Матс.

Денис хотел развить тему, но отчим не дал ему высказаться и продолжил:

– Не хочешь поехать в наш финский филиал? Поработать там.

Денис покрутил головой, как будто жесткий ворот жал ему шею.

– Я вообще-то в Москву хотел поехать.

Матс хитро прищурился, легко хлопнул ладонью о коленку и выдал:

– В Москву? Ну что ж, у нас и там есть представительство. Три месяца назад я открыл московский филиал.

Денис восторгнулся, удивленно поднял брови, затем растянул губы в улыбке. Эта неожиданная новость как нельзя лучше согласовывалась с его желаниями.

– Через неделю мы начинаем туда регулярные поставки своей продукции из Петербурга.

Фабрика в Петербурге работала еще со времен Ельцина. Были периоды, когда Матс хотел закрыть её и поставлять продукцию из Финляндии через российских оптовиков. Однако наличие своего производства давало определенные выгоды компании, и Матс отказался от этой затеи. И вот теперь он решил двигаться дальше.

«Если начинаются поставки, значит, уже создана инфраструктура и подписаны контракты», – прикинул Денис в уме.

– И что ты предлагаешь? – попытался уточнить он.

– Предлагаю тебе возглавить это предприятие.

Денис с сомнением покачал головой. То, что ему предстоит отправиться в Россию, вполне совпадало с его планами. Но руководить бизнесом и еще к тому же не маленьким, было как-то боязно.

– Матс, ехать я готов, но руководитель, боюсь, из меня никакой.

Отчим криво ухмыльнулся и небрежно махнул рукой.

– Ты знаешь, мой отец однажды вот так же швырнул меня в омут бизнеса, как котенка. Отправил руководить финским филиалом. И ничего. Правда, полгода я чувствовал себя полным идиотом, пока не набрался опыта. Зато теперь мне без

разницы, чем и кем руководить. В Москве у нас есть директор: неплохой парень и дела ведет грамотно. Первое время твоя задача – вникать и учиться. Надеюсь, справишься, ну а там видно будет. Так что Москва ждет тебя.

– Москва?! Какая Москва?! Вы что удумали?! – возмущенно выкрикнула мать Дениса, стоящая в проеме двери.

Она вернулась домой раньше положенного времени и нечаянно подслушала конец разговора. Сейчас она всем видом напоминала всклокоченную наседку, готовую защищать свое потомство от ястреба.

– Анна, успокойся! – резко приказал Матс.

Его жесткий тон удивил и слегка отрезвил женщину. Он никогда не только не приказывал ей, но и не повышал на нее голос.

– Ну мам, ну правда, не пугайся, – попробовал смягчить ситуацию Денис. – Мы просто обсуждаем работу московского филиала.

– Я так и знала, что этим кончится, – опять запричитала Анна Викторовна. – Как только ты открыл бизнес в Москве, знала. Потом этот Мишка с его рассказами. Всё один к одному. За что мне всё это?

Анна заломила руки, слезы покатались по щекам. Через секунду она молча скрылась в проеме, и по лестнице, ведущей на первый этаж, застучали каблучки ее домашних туфель.

– Знал, что так будет, – протянул Денис.

Сейчас только одна мысль терзала его мозг: «Нужно валить отсюда. Валить как можно скорее. В Питер, в Москву, к черту на рога! Только скорее и подальше».

Его сердце сжималось, когда он думал о матери, но вместе с тем понимал: если не решится сделать это сейчас, потом будет еще труднее. Он вопросительно и вместе с тем умоляюще взглянул на Матса. Тот ободряюще кивнул и неторопливо поднялся с места.

– Такое я уже проходил, – тихо сказал он. – Пусть свыкнется с этой мыслью, а потом я ей всё объясню. Уверен, она поймет.

* * *

Денис подхватил спортивную сумку и пошагал к распахнутой стеклянной двери. Задержавшись в проеме, он огляделся и в толпе встречающих сразу увидел знакомое лицо. Миха топтался у стены терминала с выражением явной маелты на лице. Он держал руки в карманах и нервно дергал плечами. Рот Дениса растянулся в улыбке, а ноги сами пошагали навстречу. Мишка тоже заметил друга, появившегося из разъехавшихся стеклянных дверей, и заулыбался.

– Здорово, братан! А я уж думал, где ты завис? Ну, как долетел-то? Нормально? – бросил он Денису и, получив положительный ответ, удовлетворенно кивнул.

Денис был несколько озадачен. Он ожидал более теплый

прием. Но Мишка как будто торопился побыстрее выбрать-ся из толпы встречающих и начал продираться к выходу. Когда они наконец оказались на свободном месте, Денис дернул друга за рукав куртки и остановился.

– Слышь, Миха! Ты в порядке? Если тебе некогда, я сам доберусь.

– Да не грузись. Просто папачес в клинику попал. Напрягает всё это.

– Твой отец? Так а ты чего не в Питере?

– Так он здесь лежит. Уже два года как в Москву перебрался. Как с матушкой разбежались, так он сюда и свалил.

Денис широко открыл глаза и застыл с недоуменным выражением лица. «Ну Миха, ну конспиратор! Сколько раз приезжал за это время – и хоть бы словом обмолвился. Родители развелись! Отец в Москве! Хороши новости!» – думал он с некоторым раздражением.

– А что же ты молчал?!

Мишка передернулся, брезгливо скривил губы и процедил:

– Было бы чем хвастать. Собачились полгода. Бизнес делили, отношения выясняли. Я как на войне побывал. Хотелось прибить обоих.

– Ну и что в итоге?

– В итоге?! Матери торговый центр достался, а батя в Москву рванул. Влез в строительный бизнес и квартирами торгует. Не поверишь! Лучшие друзья сейчас! Созванива-

ются, с праздниками поздравляют друг друга. Полный дебилизм!

– Может, сойдутся? – предположил Денис.

– Вот это вряд ли. У отца телка молодая, та еще коза. Да и мне этот геморрой на хрен не нужен. Так спокойнее.

– А почему коза?

– Потому! Хитрожолая бестия. Папачесом крутит, как хочет. А тот ведется на всякую хрень. Уже шестой десяток, а всё козлом скачет. Ну и доскакался! Свалился с гипертонией.

– А это серьезно? – участливо поинтересовался Денис.

– В его возрасте всё серьезно, но ему же хоть кол на голове теши. Отлыгает немного и опять гульбанить начинает, – безнадежно махнул рукой Миха. – Погнали! Я тебя сейчас на квартиру заброшу, сгоняю к отцу и вернусь. Тогда и обсудим дальнейшие планы.

Квартиру для Дениса снял директор компании, где ему предстояло работать, и по договоренности должен был ждать его именно там. Директор предполагал организовать встречу непосредственно в аэропорту, но Денис решительно заупрямился. Ведь его прилет мог быть обставлен излишне торжественно, а он не выносил публичных мероприятий. Даже празднования побед на чемпионатах, которые мама считала обязательными, нагоняли на него безмерную тоску и уныние. Но там приходилось терпеть, чтобы, не дай бог, не обидеть родных и друзей, которым хотелось праздника.

Столешников переулочек – исторический центр города! Квартира находилась в отреставрированном трехэтажном особняке. Роскошная, просторная, с качественным ремонтом в классическом стиле. Удобная планировка, две спальни, одна из которых – со своим санузлом и гардеробом, кабинет, огромная гостиная, гостевой санузел, холл. На огороженной парковке во дворе имелось место для стоянки двух автомобилей.

– Зашибись! – присвистнул Мишка. – Зачетно! Это сколько же в месяц?!

Директор, молодой человек лет тридцати, в модном деловом костюме, идеально выбритый, с аккуратно постриженными темно-каштановыми волосами, стоял, переводя виноватый взгляд с одного гостя на другого, и молчал. Денис взглядом подтвердил вопрос друга, и тот наконец ответил:

– Триста в месяц, – и тут же поспешно уточнил: – но это всё согласовано с господином Линдом. Он одобрил.

– Триста чего? – не понял Денис.

– Тысяч рублей, – спокойно пояснил директор.

Сумма показалась Денису просто космической. Он лихорадочно пытался разделить в уме цифры. Наконец ему это удалось. «Четыре тысячи евро!» Матс явно превысил свои же лимиты, установленные еще его отцом и свято не нарушаемые последние двадцать лет. «Мамина работа». Денис почувствовал, как внутри поднимается волна возмущения, но все сомнения разрешил Мишка, который восхищенно за-

орал:

– В таком месте! Такая хата! За такие копейки! Блеск! Можно я в гостевую ванную заселюсь?!

Денис расслабился, пропустил мимо ушей Мишкину шутку и непринужденно протянул директору руку:

– Денис.

Директор ответил неожиданно крепким рукопожатием:

– Леонид Лужин.

– А это мой друг Михаил, – представил своего спутника Денис и пошел осматривать квартиру.

Матушка явно сама курировала обустройство жилья для любимого сыночка, чтобы он чувствовал себя в домашней обстановке. Всё, включая постельное белье и ванны принадлежности, было на высшем уровне. Даже холодильник был забит до отказа его любимой едой. Дениса несколько удивило наличие двух банных халатов и домашних тапочек разных размеров. Он вопросительно посмотрел на Леонида, тот молча ткнул пальцем в потолок – мол, такое указание поступило сверху. Денис не стал уточнять, но мысленно поаплодировал маме. Она по умолчанию позаботилась о возможных гостях или гостях своего сына.

– Дэн, вы тут разбирайтесь дальше, а я отскочу на пару часов, – крикнул Миха из прихожей и через секунду хлопнул входной дверью.

Денис вернулся в гостиную и расположился на широком диване. Директор, устроившись в кресле напротив, достал из

портфеля кожаную папку.

– Здесь краткая отчетность о деятельности фирмы, – пояснил он, протягивая её Денису.

Тот непроизвольно поморщился, но тут же взял себя в руки.

– Хочу прояснить ситуацию. Я не получал никаких указаний и полномочий проводить проверку. Через пару дней мы встретимся в офисе, и вы ознакомите меня с текущими делами. Далее мы решим, в каком качестве и чем я буду заниматься. Пока я хотел бы отдохнуть.

Леонид коротко кивнул, достал из кармана два черных брелока с логотипом Mercedes, техпаспорт и положил на журнальный столик.

– Ключи от вашей машины. Она во дворе, на стоянке. Может, вам нужен водитель, хотя бы на первое время?

– И охранник! – недовольно буркнул Денис. – И японская массажистка. Леонид, со мной не надо нянчиться. Мне кажется, вы и так всё очень прилично устроили, так что дальше я сам. Тем более у меня, как вы поняли, есть провожатый в этом городе. Всего доброго.

Леонид мгновенно испытал огромное облегчение. Последние две недели перед приездом молодого хозяина были для него очень нервными. За свою недолгую, но бурную трудовую деятельность он вдоволь насмотрелся на чванливых мажоров, да и натерпелся от них немало. Ничего из себя не представляя, они уже вели себя как полноправные хозя-

ева жизни. Зажравшиеся, зачастую тупые и ограниченные, лезли в дела фирмы, направо и налево раздавая бестолковые указания. При этом вину за развал работы сваливали на менеджеров и без сожаления увольняли их, чтобы прикрыть свою тупость и профнепригодность. Да и дети европейской элиты не далеко ушли от российской «золотой молодежи», демонстрируя вседозволенность, безнаказанность, распущенность. Швед, как заочно окрестили нового сотрудника в офисе, похоже, был не из этой когорты. Вежливый, не капризный, легкий в общении, он с первого взгляда показался Леониду вполне адекватным. Директор откланялся и со спокойной душой покинул квартиру.

Денис, пребывавший в добром расположении духа, немного послонялся по комнатам, как бы привыкая к своему новому месту обитания, и наконец застыл у окна, выходящего во двор. Пейзаж за стеклом был по-осеннему унылым: морозящий дождь, голые деревья, серый асфальт, желтеющая трава на газонах... Начинало смеркаться. Вспыхнули уличные фонари, отражаясь в зеркале мокрого асфальта. Внутри заворочался весьма приятно щекочущий нервы червь ожиданий, предчувствие чего-то необычного. Всё это вызвало в нем прилив адреналина, как перед началом схватки. Денис оторвался от окна, достал мобильный и набрал номер мамы. Морщась и тяжело вздыхая, он несколько минут слушал ее наставления и причитания, быстренько поблагодарил за прекрасную квартиру и свернул разговор. Денис, устало закрыв

глаза, откинулся на спинку кресла, но неожиданно громкий звонок домофона заставил его вздрогнуть.

– Да, слушаю.

– К вам Михаил Савин, – раздался из динамика слегка искаженный микрофоном голос охранника.

– Пропустите.

Через пару минут Мишка по-хозяйски ввалился в квартиру.

– Ну что, готов?! – атаковал он чуть ли не с порога.

– К чему готов? – нахмурился Денис.

Он еще находился в расслабленном состоянии, и ему совсем не хотелось тащиться куда-то на ночь глядя.

– Жрать хочу! Пойдем корм примать.

– Пойди на кухню. Холодильник от продуктов ломится, – предпринял Денис слабую попытку отмазаться от прогулки.

– Смеешься?! Здесь миллион ресторанов в шаговой доступности. Грех жить в таком районе и не пользоваться предоставленными благами.

«Всё равно ведь не отстанет», – с досадой подумал Денис. Никогда ему не удавалось переубедить своего друга и настоять на своем. Это не было проявлением слабости. Просто так повелось с детства, и он привык потакать ему.

Миллион не миллион, но крутых ресторанов, элитных бутиков, магазинов известных брендов здесь действительно было в избытке. Дождь закончился, но, несмотря на холодный вечер, на улице было довольно многолюдно. Миха не

собирался совершать долгий моцион и уверенно зарулил в первый же ресторан, встретившийся на пути. Он уверенно толкнул входную дверь из черного матового стекла, за которой оказался полутёмный холл. На входе их встретила милостивая блондинка с выражением искреннего радушия на лице и приятной улыбкой. Она предложила им сдать куртки в гардероб, затем пригласила в зал. Столики разделялись высокими перегородками из полупрозрачной ткани, имитируя подобие кабинок, на каждом стоял индивидуальный светильник, создавая уют. Откуда-то сверху лилась тихая, умиротворяющая музыка. Меню приятно удивило: супы, холодные и горячие закуски, салаты, рыба, мясо, десерты. Денис услышал, как громко заурчало в животе, и испуганно оглянулся. Однако никто не смотрел в его сторону, и он успокоился. Мишка, отложив меню в сторону, сосредоточенно изучал винную карту. Казалось, что он пришел сюда не затем, чтобы поесть.

– Что-нибудь пить будешь? Вино?

Денис по привычке хотел отказаться, но, вспомнив, что ему уже не обязательно соблюдать спортивный режим, согласно кивнул.

– Так что, вино? – уточнил Миха. – Красное?

– Ты задолбал?! – взорвался Денис. – Сам решай!

– Так я вискарик буду. Мне эта моча не вставляет.

– Закажи, что считаешь нужным, и не выноси мне мозг.

Миша подозвал официанта, продиктовал заказ, затем,

усмехнувшись, поинтересовался:

– Ты чего такой напряженный? Кабак не нравится?

– Нравится! А я смотрю, ты здесь уже не в первый раз. Меню даже не открыл.

– Да, я его наизусть знаю. Жрачка здесь отличная, не пожалеешь.

Неожиданно за соседним столиком разгорелся скандал. Двое пьяных посетителей начали крыть трехэтажным матом официанта. Денис обернулся и прислушался. Что-то не устроило гостей в счете, и они не собирались платить. Официант, худощавый молодой парень, стоял молча, уставившись в пол. Через секунду перед столиком вырос огромный, как шкаф, охранник. Он попытался уговорить пьяных, но один из них плеснул ему в лицо остатками сока из графина. Завязалась потасовка. «Шкаф» попытался скрутить дебошира, и тогда второй, который, видимо, имел некоторые бойцовские навыки, технично врезал ему в челюсть. Судя по габаритам, охранник весил более ста килограммов, был неповоротлив и медлителен. Он развернулся к напавшему на него и тут же получил удар от второго. Оба посетителя, несмотря на то, что были сильно пьяны, начали бегать вокруг противника, осыпая его ударами. Охранник напоминал медведя, затравленного собаками. Он, неуклюже отмахиваясь от нападавших, ругался и рычал что-то невразумительное. Денис собрался подняться с места, но Миха перехватил его за руку и покачал головой:

– Не встревай. Не надо. Сам справится.

«Как так? – недоумевал Денис. – Почему я не могу помочь? Что за ерунда?»

– Почему? Я за минуту всех успокою.

– Сиди спокойно, если не хочешь в полиции ночевать. Они уж точно разбираться не будут и загребут всех. Потом доказывай, что ты не олень. А если узнают, что ты при деньгах, так могут и не выпустить, пока не выдают досуха.

– А ничего, что я подданный другой страны?

– Ничего. Жопу вытрут твоим паспортом и начнут устанавливать личность. Только эта процедура может затянуться надолго.

– Порядочки тут у вас, – недовольно пробурчал Денис.

– Это если рассматривать самый плохой сценарий. Конечно, я сгущаю краски, но лучше перестраховаться.

Тем временем бой перешел в партер. Теперь тяжелый охранник имел несомненное преимущество. По-видимому, пьяные не смогли нанести существенный ущерб его здоровью, и ему удалось уложить обоих на пол. Навалившись на них всем весом, он решил исход схватки несколькими тяжелыми ударами. Дебоширы были нейтрализованы. Они, постанывая, корчились на полу, держась за окровавленные лица. В зале появились двое полицейских, довольно бесцеремонно скрутили дебоширов и потащили к выходу из ресторана.

Еду подали через несколько минут. Официант извинился

за доставленные неприятности и вручил каждому скидочную карту.

– Удачно зашли, – подмигнул Миха, пряча в карман кусок пластика.

Он поднял стакан, махом опрокинул в рот, затем махнул рукой официанту и попросил повторить.

– Частишь! Надеюсь, за руль не собираешься?

– Не, у тебя тормознущ сегодня. Не выгонишь?

Денис небрежно кивнул, понюхал жидкость в своем стакане и осторожно пригубил.

Через два часа они вернулись домой. Мишка, пьяный в стельку, развалился на диване в гостиной и без умолку нес всякую околесицу. Денис впервые видел друга в таком состоянии, с интересом наблюдая за ним. Вскоре ему наскучило это представление, он поднял Миху с дивана и затолкал в спальню.

* * *

– Ты можешь сказать, откуда эта дрянь появилась в городе? – спросил моложавый, подтянутый человек в ладно пригнанном мундире подполковника полиции, брезгливо ткнув пальцем в фотографию, на которой был запечатлен пакетик с желтоватыми таблетками.

Худощавый сорокалетний мужчина с усталым лицом, на котором не отображалось ни одной эмоции, развел руками.

Старший оперуполномоченный отдела по контролю за оборотом наркотиков майор Горлов Петр Алексеевич половину ночи перебирал со своими операми барахло на месте захвата преступной группы. Вообще-то он не спал уже вторую ночь, разрабатывая операцию, смертельно устал и сейчас думал лишь о том, как побыстрее закончить доклад, добраться до дивана в своем кабинете и поспать хотя бы несколько часов. Четыре дня назад им улыбнулась удача: они задержали дилера с наркотой – препаратом на основе метадона. Дело в том, что наркодилера нынче вычислить довольно трудно. Он ни с кем не видится и сам ничего не делает. Просто расфасовывает наркотики в маленькие пакетики; как правило, в одном лежит от одного до десяти граммов – самое ходовое количество среди покупателей. Потом фасует это в пакеты побольше. В итоге получается пара-тройка десятков таких упаковок расфасованной наркоты. Потом он всё это дело складывает в какой-нибудь большой пакет и прячет где-нибудь на улице, очень хорошо прячет. Всё остальное происходит дистанционно, через сайты так называемого темного Интернета, где можно купить наркотики, оружие, поддельные документы, нанять киллера и всё такое прочее. Через несколько часов пакет забирает так называемый кладчик, который, в свою очередь, тоже делает закладки, но уже мелкие, и продает их координаты через Интернет. Никто никого не знает. Никто никого выдать не может. Всё полностью анонимно.

Поначалу для полицейских всё складывалось довольно

удачно. Задержанный начал давать показания, указал адрес, куда нырял за товаром, но в итоге – три трупа. Вот и весь улов, ниточка оборвалась.

Начальник отдела подполковник Егоров в городе был человек новый. Его перевели из области всего полгода назад, и он притащил с собой еще трех оперов, которые и работали сейчас в отделе с майором. Само собой, оперативные позиции у них были никакие, да и по наркотикам они раньше не работали. Горлова новый начальник не то что бы не любил, но песочил при каждом удобном случае. Зачастую совсем без причины – для профилактики, что ли. При этом даже к серьезным косякам своих людей подполковник относился довольно снисходительно. Однако Горлова такой индивидуальный подход не возмущал. Он, в свою очередь, тоже относился к новому руководству с некой долей презрения. По его мнению, руководитель должен лучше подчиненных разбираться в служебных вопросах: анализировать, делать выводы, давать советы, принимать последние решения. Первое время майор даже искренне удивлялся, как такой пустой человек мог возглавлять розыск, пусть и на периферии, пока не узнал про родственные связи новой жены подполковника в руководстве главка. Будучи помоложе, Горлов любил поговорить о справедливости с руководством. Жарко спорил по любому поводу и за всё время службы набил немало шишек. Однако жизнь вскоре научила его не обращать внимания на приступы самодурства и чванства вышестоящих начальни-

ков. С возрастом его выступления случались всё реже и реже, и в конце концов он просто перестал реагировать на такие наезды. Когда майор сосредотачивался на деле, никакие посторонние вещи его уже не трогали.

– Трудно даже предположить, откуда. Наши-то коллеги всех положили. Палили, как подорванные. Металлические ворота гаража в решето. А там оказался только один ствол.

– Но ты же как-то на них вышел?

– Случайно. Это, – он кивнул в сторону фото, – изъяли во время рейда по ночным клубам. Выяснили, откуда дровишки, и провели задержание.

– Задержание трупов! – рявкнул подполковник. – Вы что, не могли как-то по-другому?

Горлов пригладил темные, с легкой проседью волосы и тяжело выдохнул:

– Мы-то могли, но вы же сами приказали взять «тяжелых». А когда эти твари выстрелили через дверь, их бойца ранили. Вот ОМОН всех и покрошил.

– Я, значит, виноват?!

Майор, не отрывая взгляд от пола, покрутил головой.

– Нет, конечно.

Хозяин кабинета обреченно махнул рукой.

– Ладно, обойдется. Сейчас давай домой, отоспись. Думаю, если это налаженные поставки, то вскоре проявятся где-нибудь. Потом обсудим.

Горлов уже полчаса ворочался на диване, не понимая, почему не может заснуть. Когда он добрался до своей квартиры, казалось, что стоит ему приклонить голову на подушку, как он провалится в безмятежный сон. Но в голове калейдоскопом крутились события последних двух дней. Что-то не складывалось. Он не стал акцентировать в докладе для подполковника, что убитые бандиты были хорошо известны полицейским. Полные отморозки с кучей судимостей, двое из которых находились в федеральном розыске, только никакие они не наркоторговцы. Как эти уголовники оказались в гараже, оставалось загадкой для майора. За несколько месяцев без работы его оперативные позиции в сферах криминальных структур тоже пошатнулись. Когда в марте расформировали Госнаркоконтроль и передали его функции в МВД, президент заверил, что массовых сокращений реформа не подразумевает. Все поверили словам главы государства и надеялись на продолжение службы в органах внутренних дел, но многих сотрудников с опытом работы туда так и не приняли. Зато набрали молодых. «Не рекомендован в связи с несоответствием морально-деловым качествам», – гласила стандартная формулировка. Положа руку на сердце, нужно признать, что далеко не всем этот вердикт был вынесен необъективно. В службе хватало проблем с нечистыми на руку сотрудниками. Горлов три месяца болтался без дела, проходил бесконечные проверки, собеседования, обследование на полиграфе, сдал справку о доходах. В итоге – «не рекомендо-

ван». Всё это время он пребывал в угнетенном настроении, и как результат – затяжной запой. Еще через месяц его брак, и так державшийся на честном слове, окончательно развалился. Жена прекратила с ним всякое общение и ушла к адвокату, который тут же занялся их разводом. Горлов окончательно осознал, что личная жизнь не удалась, а все попытки исправить положение потерпят крах. Если мерить мужскую привлекательность толщиной кошелька, то тут Горлову хвастать было нечем. Конечно, он не жил на одну зарплату, но, его доходы были значительно меньше, чем у большинства его коллег. Майор не торговал наркотой и не крышевал барыг. Два небольших помещения в торговом центре, оформленные на его маму, сданные в аренду, да его старая квартира в Подольске, где жили квартиранты, обеспечивали, по его мнению, достаточный доход. Однако бывшей жене денег никогда не хватало. Хорошо хоть с детьми не сподобилось, и, в общем, он был даже рад, что всё так получилось. За пятнадцать лет совместной жизни он дико устал от её постоянных жалоб и претензий. А вот работа – это то, что он действительно любил, отдавался ей без остатка. Лишившись ее, он потерял себя и стал всё более опускаться. Когда майор (теперь уже бывший), теряя надежду, начал подыскивать место в охранных структурах, неожиданно всё разрешилось. Его пригласили на очередное собеседование, и через две недели он вышел на работу в отдел МВД по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Воспользовавшись реформой и

слабостью вновь созданной структуры, преступность высоко подняла голову. Резко возросло количество наркоты на улицах, барыги совсем обнаглели: на радостях понизили цены на «синтетику» и увеличили оптовые партии.

Постепенно мысли Горлова стали вялыми, обрывочными, плавно переходя в сновидения, пока сознанием окончательно не овладел сон.

Утром, получив очередную «клизму» от шефа, майор вернулся в свой кабинет. Вчерашнее задержание руководство ОВД все-таки отметило жирным плюсом, поэтому разнос выглядел довольно формально – только чтобы подчиненный не расслаблялся.

Николай Афонин, старший лейтенант, совсем молодой парень, сидел, уткнувшись в монитор ноутбука, разглядывая фото иномарок. Горлов поморщился. Он бесцеремонно захлопнул крышку гаджета, шлепнул на стол папку с документами и спросил:

– Наш пассажир уже в СИЗО?

– Нет, здесь, у нас кантуется. После обеда следáчка его повторно допрашивать будет, так шеф распорядился, чтобы не отправляли пока.

Николай, как всегда, был в курсе всего, что происходит в здании отдела.

– Тащи его к нам. Побеседуем.

Афонин потянулся к телефону, и вскоре задержанный Кулёмин сидел на стуле перед майором.

- Ты, Куля, зачем нам два дня лапшу на уши вешал?
- Не понимаю, начальник! Как на духу... как маме!
- Как маме, говоришь. Ну, тогда так.

Майор, не торопясь, достал из ящика стола широкий офицерский ремень, сложил его вдвое и резко шлепнул им по столу. Громкий звук заставил Кулю вздрогнуть. Он выпучил глаза и нервно заерзал на стуле. Худой, с маленьким острым личиком, сейчас он напоминал дождевого червя, насаженного на крючок.

– Похоже, в детстве тебя мама не порола, раз ты таким дерьмом вырос. Вот я это сейчас и исправлю.

Майор ухватил арестанта сзади за шею и ногой выбил из-под него стул. Глаза Горлова метали молнии, на щеках выступили красные пятна, а на скулах – желваки. Он довольно чувствительно пнул носком ботинка лежащего на полу Кулю в бедро. Тот вскрикнул и начал тихо поскуливать.

– Что вы еще от меня хотите? Я всё рассказал, – заунывно затынул он старую песню.

Затем Кулёмин всхлипнул раз, другой и неожиданно разрыдался. Горлов молча стоял над ним и ждал, когда тот прекратит этот спектакль. Наконец, чувствуя, что его рыдания не возымели успеха, Куля затих, перевернулся на спину и неожиданно спокойным голосом объявил:

– Без адвоката больше ни слова.

Горлов усмехнулся и согласно кивнул.

– Николай, подай мне адвоката.

Афонин, который с неподдельным интересом наблюдал за разворачивающимся действием, подорвался с места и достал из шкафа короткую металлическую трубу, завернутую в старый свитер. Он подал ее майору, тот поудобнее перехватил ее и с размаха врезал по спине задержанного. Куля открыл рот, жадно глотая воздух, но, вопреки ожиданиям Горлова, не заорал. Он напряженно смотрел в налившиеся кровью глаза майора, и под этим взглядом его горло сковывал животный страх. Мысленно дилер в который раз проклинал свою беспечность. Столько лет без проколов, и вот на тебе – поленился заехать домой и спрятать товар. Ведь он только на минутку заскочил в ночной клуб, чтобы забрать долг у знакомого. И надо же, как раз попал под рейд наркоконтроля. Пакетик он скинул, но это увидел один из оперов, и понеслось: задержание, отпечатки пальцев, допросы. Раскололся он довольно быстро. Его даже почти не били. Зато предложили переквалифицировать статью «сбыт» на «хранение», и он согласился. Только, похоже, что-то у полиции пошло не так, и сейчас его будут прессовать по-взрослому.

– Всё! Я всё понял! – наконец смог он выдать из себя.

– Что ты понял, мразь?! – прохрипел Горлов и повторно занес над его головой свое оружие.

– Всё! Хватит! Что я должен рассказать?

– Всё сначала и по порядку. А самое главное – почему мы там ничего не нашли.

Куля удивленно пожал плечами, выдержал паузу, как бы

собираясь с мыслями, и начал говорить:

– На меня вышел Молот. Сказал, что у него появился качественный товар. Я взял на пробу. Когда проверил, он принес большой пакет.

Горлов удовлетворенно кивнул. Молот, или Молотков Виталий Андреевич, был среди тех, кого положил ОМОН в гараже.

– Ты говорил, что твой канал поставок накрылся. Поэтому к Молоту пошел?

– Да нет. Просто я его давно знаю. Мы с его братом учились. Молот сам на меня вышел.

– Это ты уже говорил. А откуда у Молота наркота? Он же вроде не по этой теме? Он рассказывал?

– А я и не спрашивал. За лишние вопросы могут язык отрезать.

– Дальше! Сколько ты у него в первый раз взял?

– Я же говорю, много! Еле в барсетку поместилось! Сгрузил закладчикам. Товар качественный, разошелся быстро. Я попросил еще, и Молот предложил подъехать в гараж, где он с корешами гасился. Только накладка получилась. У него остался только один небольшой пакетик с колесами. Сказал, что через пару дней товар подвезут. Обещал позвонить. Я двинул в ночной клуб, а тут вы...

– Звонил?

Куля удивленно зыркнул на майора.

– Может, и звонил. Только я уже у вас отвисал.

Майор извлек из сейфа полиэтиленовый пакет с вещами, изъятými во время задержания, достал оттуда телефон и протянул его Кулёмину.

– Смотри!

Куля несколько секунд тыкал пальцем в экран смартфона, шевелил губами, считывая номера абонентов, и наконец покачал головой.

– Нет, не звонил. Поэтому вы и не нашли ничего, – заключил он.

– Без сопливых понятно, – зло рыкнул майор. – Уводи его, – бросил он своему напарнику.

Афонин выглянул в коридор, и через секунды сержант, застегнув на запястьях задержанного наручники, вывел его из кабинета.

– Че ты паришься, Алексеич? – по-панибратски успокоил майора Афонин. – Нет тела – нет дела. Так ведь?

– Какого тела? – не понял Горлов.

– Ну грохнули же всех. Канал поставок перекрыт. Наша вахта закончена, дело закрыто.

Горлов удрученно покачал головой и вздохнул.

– Дурень ты, Коля. Это не то что убийцу поймать и на этом дело закрыть. Кстати, убийц мы как раз поймали. Только с чего бы им наркотой торговать? Сдается, что таблетки у них случайно оказались. Не канал мы перекрыли, а ниточку оборвали к этому каналу. Я так понимаю, что эти упыри кого-то грабанили. А конкретно – какого-то курьера с наркотой. А

судя по тому, что они снова товар предлагали, значит, планировали еще одно дело провернуть. Только, похоже, мы им помешали. Вот такой расклад.

Афонин досадливо скривился.

– И че? Че не так? Помешали бандитам, планы сорвали. Задачу выполнили.

– А то, что новый курьер наркоту доставит, еще кучу жизней загубит – это мелочи? Главное – отчитаться и палку заработать?

– Не я эту систему придумал, с палками. Не мне и думать над этим, – зло парировал старший лейтенант.

– Ладно, старлей, не напрягайся.

– Да я-то не напрягаюсь, ты вот чем недоволен?

Майор откашлялся и потер пальцами подбородок.

– Таблетки странные. По составу не подпольные – фабричные: наполнители, консерванты, ароматизаторы. Только расфасованы не в коробки, а в пакетики. Не клеится что-то. Если бы из клиник воровали, должны быть упаковки соответствующие. Такое впечатление, что прямиком с фабрики поставки идут.

– Точно! – восхищенно воскликнул Афонин. – Надо фабрики трясти!

– Вот ты умница. Сообразительный, шустрый парень. Был бы ты женщиной, я бы на тебе женился, – издевательским тоном осадил его майор.

– Женился бы он на мне... – тихо буркнул себе под нос

старлей. – Чертов извращенец. Ты, Алексеич, лучше на Лавровой женись. Она уже устала тебя охаживать, – неожиданно для майора громко выдал Афонин.

Горлов застыл с недоуменным выражением лица, затем медленно подошел к Николаю, взял его за шиворот и нарочито зло рявкнул:

– Ну-ка, подробнее с этого места!

Зинаида Лаврова, дознаватель отдела дознания, майор полиции, миловидная, коротко стриженная шатенка, действительно нравилась Горлову. Может, оттого он и воспринял так эмоционально слова своего коллеги.

Афонин ловко вывернулся из захвата, вскочил с места и, ухмыляясь, язвительно продолжил:

– А что, не так, что ли? Ходите кругами! Ты всё время пялишься на нее, да и она неровно дышит. Вчера ворковали, прямо как два голубка. Ах, Зинаида Петровна, ах, Пётр Алексеевич, ах, царь-батюшка!

Горлов абсолютно спокойно, без раздражения относился к своему прозвищу «царь Пётр», которое, кстати, прилепил ему всё тот же Афонин. Он широко открыл рот, собираясь обматерить всезнающего и вездесущего старлея, но неожиданно махнул на него рукой и громко рассмеялся.

– Прямо так заметно?

– А то!

– И кому еще заметно? – напрягся майор.

– Не знаю. Пока не обсуждают, – успокоил его Николай.

«Ну и на том спасибо», – подумал Горлов.

– Короче, ты с фабриками прав. Но нужно будет прикинуть, как по-тихому достать образцы для сравнения. А там, может, и вычислим, откуда поступает наркота.

* * *

Денис с шумом втянул ноздрями воздух, ощутив такой знакомый запах. Запах пота, матов, резины, железа – он пробудил в нем уже полузабытые воспоминания о прежней жизни. Мишка же шмыгнул носом и брезгливо поморщился. Денис хлопнул его по плечу.

– Что, амбре не то, что в парфюмерном магазине? Зато это запах победы, Миха! Запах настоящих мужчин.

– Почему настоящий мужчина должен вонять козлом?

Денис неприязненно посмотрел на своего друга, и тот сразу включил заднюю.

– Шутка! Не напрягайся.

Денис хмыкнул, расслабился и осмотрелся. На боксерском ринге двое пацанов лет семнадцати вяло обменивались ударами, несколько ребят обрабатывали мешки, в дальнем углу парень постарше отрабатывал бой с тенью.

– Они что здесь, без тренера занимаются? – удивленно спросил Денис.

Миха пожал плечами, затем решительно направился вглубь зала, где на стене виднелась узкая дверь. Денис дви-

нулся за ним. Когда они уже были в центре зала, дверь распахнулась, и из нее вышел коротко стриженный седой человек лет семидесяти. Он решительным шагом направился к рингу, но, заметив чужаков, остановился и замер в ожидании.

– Дядя Паша! – окликнул его Мишка.

Человек близоруко прищурил глаза, затем его рот растянулся в приветственной улыбке.

– Мишка! Ты каким ветром? Неужто размяться решил?

Миха натянул на лицо презрительную гримасу.

– Размяться – это не про меня. Я вот друга привез. Он-то как раз размяться не прочь.

Дядя Паша перевел взгляд на Дениса, слегка наморщил лоб, как бы вспоминая что-то, и неожиданно замер с раскрытым от удивления ртом. Мишка с наслаждением наблюдал за реакцией своего знакомого.

– Это... это он? – наконец выдавил из себя тренер. – Точно, Линд! – уверенно констатировал он через паузу.

– Точно! – подтвердил довольный произведенным впечатлением Мишка.

Дядя Паша крикнул, сделал шаг в сторону Дениса и протянул ему руку.

– Хэллоу! Ай эм вэри глэд ту си ю, – с ужасным акцентом поприветствовал он гостя по-английски.

Денис пожал протянутую руку, слегка потряхнул ее и улыбнулся.

– Здравствуйте. Мне тоже очень приятно. Денис.

– Павел Иванович, не утруждайся. Он говорит по-русски! – предупредил Миша, давась словами от смеха.

Лицо тренера вытянулось от удивления еще больше.

– По-русски?!

– Вообще-то я из России. Точнее, из Питера. Просто живу в Швеции.

Тренер расслабился, с головы до ног осмотрел гостя и удовлетворенно кивнул.

– Понятно! Теперь понятно, почему ты лучший. Я последний твой бой раз двадцать смотрел. Отличная техника. Жаль, что видео не качественное.

Легкая краска стыда тронула лицо Дениса. Последний бой! Именно после него он стал звездой Интернета. Более миллиона просмотров. Впору возгордиться, только он не смог больше одного раза посмотреть запись. Позорище! Так подставиться... Ладно бы соперника измордовал, так еще и судья в нокдауне. Этого он себе простить не мог.

– Да уж, техника на уровне, – грустно согласился он.

– Пошли ко мне. Чайку попьем.

Павел Иванович повернулся к двери в тренерскую и сделал приглашающий жест. Денис поправил большую спортивную сумку на плече и сказал извиняющимся тоном:

– Спасибо. Я вообще-то хотел потренироваться. Время готов оплачивать. Можно?

Тренер пожал плечами.

– Тренируйся. Раздевалки направо. Там есть пустые шкафчики, ключи в замках. Занимай любой.

Денис благодарно кивнул и двинулся в указанную тренером сторону. Через несколько минут он с удовольствием лупил по мешку, ощущая необычайный прилив эмоций. Практически все, кто находился в зале, включая тренера, прекратили тренировку и внимательно следили за ним. Наконец Павел Иванович дунул в свисток, громко хлопнул в ладоши, и все вернулись на свои места. Примерно через полчаса Денис почувствовал, что основательно размял мышцы. Он подошел к тренеру, который стоял у ринга.

– Павел Иванович, может, я в спарринг с кем-нибудь встану?

Тренер посмотрел на него долгим взглядом, в котором сквозило тревожное сомнение. Неожиданно рядом возник парень, который ранее отрабатывал бой с тенью.

– Я готов! – хрипло и требовательно заявил он.

– Зато я не готов! – отшил его Павел Иванович.

– Почему?!

На этот вопрос у тренера ответа, по всей видимости, не было. Он подумал, молча пожал плечами и согласно кивнул.

– Кирилл, – представился парень Денису, повернулся и, не дожидаясь ответа, полез под канаты.

– Денис, – бросил ему в спину Линд и последовал за ним.

Все ребята мгновенно бросили тренироваться и сгруппировались у помоста. Спарринг – учебный бой со своими правилами.

ми, и Денис старался их строго соблюдать. Он отбивал атаки, с его точки зрения, неопасного соперника: двигался по рингу, уходил от ударов, старался дышать в ровном ритме, как если бы прыгал на скакалке в одном темпе. В какой-то момент он вдруг почувствовал, что его соперник действует более агрессивно и настойчиво, чем того требовала обстановка. Пропустив пару неприятных ударов, Денис решил преподать ему урок и перешел в нападение. Однако он не собирался работать в полную силу. Соперник довольно легко уклонился и, в свою очередь, атаковал. Он провел ответную серию ударов, которые, к удивлению Дениса, были по-настоящему жесткими, и это было неприятно. Его соперник явно был не простым новичком и обладал неплохой техникой. Линд немного разозлился, резко двинулся вправо, тут же поменял направление движения, сделал захват и провел жесткий прием. Конечно, четыре месяца без интенсивных нагрузок давали о себе знать. Четыре месяца простого фитнеса, сочетаемого с утренними пробежками, – вот и все тренировки. Но при этом он чувствовал свое превосходство и начал просто издевательски танцевать перед Кириллом, периодически нанося удары в голову и по корпусу. Тот попробовал провести борцовский захват, чтобы решить исход схватки, но тут же попался на контрприем и сам оказался на полу. Тренер понял, что ребята завелись и спарринг перерастает в полноценный поединок. Он дунул в свисток и выпрыгнул на ринг.

– Вы что, охренели?! – заорал он благим матом.

Кирилл тут же резво вскочил на ноги и отбежал в угол. Денис несколько секунд постоял без движения, потом тоже медленно пошел к канатам. Он испытывал смешанные чувства удовлетворения и обиды. Парень явно не дотягивал до его уровня, это было понятно. Бывший чемпион расстраивался из-за того, что не сдержал эмоций, повелся на провокацию, а значит, облажался.

– Кира, ты осел! – рявкнул тренер на своего подопечного. – У тебя через неделю соревнования, а ты тут шоу устраиваешь. Какого полез в драку?

Кирилл стоял, виновато отводя глаза, но расстроенным не выглядел. Он только что выстоял против самого Линда и, похоже, был очень горд этим.

– Ты бы лучше учился у него, а не пытался выиграть. Ты моргнуть бы не успел, если бы он завелся и в полную силу начал работать. Откачивай тебя потом!

Денис не стал переубеждать его, только одобряюще хлопнул своего соперника по плечу.

– Неплохо. Молодец!

Затем поднырнул под канаты и, не оглядываясь, пошел в раздевалку. Пожилой тренер задумчиво посмотрел ему вслед, повернулся к ученикам и громко крикнул:

– Всё! Концерт окончен! Продолжаем тренировку!

Все беспрекословно вернулись на свои места.

Потом Денис с Мишкой устроились в тренерской на ста-

ром диване. Хозяин угощал их чаем, заваренным с травами, который наливал из большого красного термоса. Чай был очень вкусным, и Денис с удовольствием прихлебывал из большой фарфоровой кружки, прислушиваясь к наставлениям старика.

– Ты, Денис, с Кириллом не расслабляйся. Он хоть и молодой, и в технике тебе уступает, но приложиться может не по-детски. Удар у него от природы отменный. Да и заводится с пол-оборота.

– Я заметил, – согласно кивнул Денис. – Сам такой... был.

– Почему был?

Линд дернул уголком рта и выдавил через паузу:

– Последний бой большим уроком стал для меня. Спустился с небес и на многое по-другому смотреть стал.

– А чего ты вообще тогда так завелся?

Денис задумчиво принялся тереть переносицу, затем встряхнул головой и поморщился.

– Потеря самоконтроля. Плюс я почти два года у специалиста по крав-мага занимался. Так он только полноконтактные спарринги проводил. Натаскивал отвечать на удар, не думая. И не одним ударом, а серией приемов, чтобы полностью нейтрализовать противника. Заставлял отрабатывать до автоматизма, до уровня инстинкта. Это всё вместе меня и подвело.

– Да-а-а, – тоскливо протянул Павел Иванович. – Вовремя я вас остановил.

– Зря вы так думаете. Я все последние месяцы, после того боя, с психологом занимался. Кстати, не зря, толковый врач. Научил, как не терять контроль над собой.

– Это хорошо, что с психологом, а то многим только через тюрьму доходить пришлось. Дурь в голове не одному моему ученику жизнь сломала, не говоря о карьере. А некоторые из них талантливее многих чемпионов были, только закончили бездарно. Может, конечно, время такое было, а может, на роду было написано. Из всех только Полухин в люди выбился. Через него и я «заслуженного» получил и денег заработал. Вот, спортзал купил на старость.

– Полухин, боксер? Так он вроде из Питера? – удивился Денис.

– Правильно, из Питера. И я всю жизнь там прожил. А ты думаешь, откуда я Мишку знаю? Его батя у меня в свое время тренировался. Правда, звезд с неба не хватал, но по другой теме в люди выбился. Вот и мне в Москве устроиться помог.

– Ты, дядь Паш, говоришь «были»... А Кирилл что, не талантливый?

– Этот? Да-а-а! Далеко пойдет, если милиция не остановит, – усмехнулся Павел Иванович.

– Полиция, – уточнил Дэн.

– Один хрен. Присказка такая. Я-то боксеров всю жизнь тренировал. А рукопашниками Сеня занимается. Я просто пригладываю, пока он занят.

– Сеня – это тренер, а Павел Иванович – хозяин спортзала, – пояснил Миха, перехватив непонимающий взгляд Дениса. – А вообще-то, при чём здесь милиция-полиция?

– Не нравится мне его компания. Якшается со всяким отребьем, ну и заведут они его на кривую дорожку. Не о том думает. Только бабки в голове.

– Ну, допустим, про бабки все думают, – заспорил Мишка. – Куда же без них!

– Все, да не все! Вот мы в свое время и о других вещах думали. За престиж страны старались.

– Ну и где она, эта страна? – гнул свое Миха. – Сколько ни старались, а всё равно обосрались!

– Тут ты прав. Как только бабки стали главнее всего, так и понеслось. Все – как крысы лабораторные. Свет впереди зажегся – и рванули за куском сыра. Бегут, толкаются, топчут слабых. Ну а когда до жратвы добрались, тут самое интересное началось. Рвали друг друга на куски, за копейки рвали. Чемпионы в рэкетире или в бойцы к бандитам подались. Кого постреляли, кого пересажали. Потом даже те, кто несколько приемов знал, первые места на соревнованиях занимали. И смех, и грех. Вот так оно было!

Павел Иванович досадливо передернул плечами и замолчал.

– Вы здесь до которого часа работаете? – решил сменить тему Денис.

– Официально зал открыт до девяти вечера. Но вообще-то

тут по вечерам собираются разные любители пободаться на ринге, и иногда всё это затягивается далеко за полночь.

– Что за любители? – заинтересовался Линд.

– Разные, – нахмурился Павел Иванович. – Бизнесмены после работы приходят, бывшие спортсмены, полицейские. Бывает, и бандиты размяться заглядывают.

– Бандиты?! Настоящие?! – хмыкнул Миха.

– Самые что ни на есть, – кивнул тренер. – Тагира Гареева знаешь?

Мишка кивнул.

– Ну вот, его охранники и подручные частенько заходят. Только я их раньше девяти не пускаю. Договоренность у меня с ними.

Спустя полчаса Денис с Михой стояли на широких ступенях у входа в спортивный комплекс, решая, чем заняться. Входная дверь с противным скрипом выпустила на улицу группу ребят из клуба единоборств. В центре, с большой спортивной сумкой на плече, двигался Кирилл. Они что-то увлеченно обсуждали, прерываясь на громкий смех, и Денису показалось, что несколько раз он слышал свою фамилию. Ребята довольно долго прощались, хлопая друг друга по плечам. Наконец Кирилл небрежно махнул всем рукой на прощание и направился к стоянке машин. Денис непроизвольно проводил его глазами, искоса взглянул на Мишку и начал спускаться с крыльца. Не известно откуда взявшийся жирный голубь спикировал перед его лицом. Он отдернул голову

назад и резко выбросил вперед руку. В воздухе закружились перья, птица отлетела в сторону, но не упала, а, крутнувшись в воздухе, взмыла вверх. Миха лениво хлопнул несколько раз в ладоши.

– Лихо ты его! Резкий, как...

Он не закончил мысль и замер, уставившись в сторону стоянки. Денис перехватил его взгляд и повернул голову. Между машин Кирилл разговаривал с двумя крепкими парнями в кожаных куртках. Даже издали было видно, что разговор явно не напоминает дружескую беседу. Один из парней, положив ладонь на шею Кириллу, периодически дёргал рукой, и тот мотал головой в такт его словам, как бы соглашаясь с услышанным. Дэн поставил сумку на землю и сделал шаг в сторону троицы. Мишка мгновенно среагировал на его движение и загородил ему дорогу.

– Ты чего удумал?! – зло прошипел он ему в лицо.

– Помочь хочу, – ответил Дэн, удивленно глядя на друга.

– Тормози! – продолжал шипеть Миха. – Сами разберутся. Не лезь туда, куда голова не пролазит. Это ребята Тагира. Наверняка со стволами. Здесь не Швеция, никто шутить не будет.

– Твою мать! – выругался Денис. – При чём тут Швеция? Там тоже ребята не сахар. Например, хоккейные фанаты, когда заведутся, запросто покалечить могут. Такие битвы наблюдал, что мало не покажется.

– Сравнил! Болельщики! Да еще если заведутся. Этим за-

водиться не нужно. Они уже с детства заведенные. Молча пальнут в живот и уедут. Потом хорони тебя. Что я матушке твоей объяснять буду?

– Ну и нравы тут у вас! – возмутился Денис. – Чикаго отдыхает.

– Не сгущай. Обычный мегаполис. Ты думаешь, в Нью-Йорке спокойнее? Там во сто крат хуже. У нас, можно сказать, тишина. Эти мирно базарят, значит, знают друг друга. Да и Кира не ботан. Может за себя постоять. Раз стоит, не сопротивляется – значит, так надо.

– Скажи, Миха, ты меня всю дорогу за руки держать будешь? Я, на минуту, могу и сам решить, как поступать.

– Послушай, Дэн. Ты здесь человек новый и можешь неправильно оценить ситуацию. Тебе нужен гемморрой с полицией или с криминалом? Думаю, нет!

– Тагир, Тагир!.. Смотрю, вы от одного его имени обделаться готовы.

– Обделаться – вряд ли, но осторожность не помешает. Тагир Гареев – товарищ серьезный. Два ночных клуба, торговые центры, транспортная компания, бойцовский клуб...

– Бойцовский?!

– Ну да. Бокс, бои без правил, тотализатор.

– Легальный?

– Отчасти, – скривился Миха. – Основные бабки делают на подпольных боях.

– Это интересно, – потер руки Денис.

– Ничего интересного. Говорят, там столько пацанов инвалидами сделали, что...

– Инвалидом можно и в любительской схватке стать, – недовольно перебил друга Дэн. – Просто не лезь на ринг, если не тянешь. А то выучат пару ударов, и всё – уже Брюсы Ли.

– Зря ты так, – укоризненно покачал головой Мишка. – Просто там чуть ли не насмерть биться заставляют. Я тебя прошу, ты-то хоть не лезь туда.

– Ладно, уболтал, не полезу. Давай банкуи. Куда дальше двинем?

– Мне еще к отцу заехать надо. Давай сначала пожрем, а там видно будет.

Павел Иванович довольно долго сидел с кружкой чая, внимательно вглядываясь в экран ноутбука, на котором застыл кадр записи последнего боя Дениса, затем решительно взял телефон и набрал номер.

– Привет, Ваня. Ты еще в больничке?.. Всё так серьезно?.. Нет, у меня всё нормально. Просто ко мне сегодня Мишка твой заглянул с другом. Я еще раньше задумывался, когда видео с ним смотрел: «Кого-то мне этот парень напоминает?» Теперь вживую глянул – точно, вылитый Граф. Я правильно понял?.. Ладно, поправляйся.

* * *

Подполковник Егоров всмотрелся в полумрак полуподвального зала ресторана и решительно направился к столу у дальней стены. Два тяжеловеса у входа молча проводили подполковника оценивающими взглядами. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, с грубоватыми, но привлекательными чертами лица. Тесная костюмная рубашка под расстегнутым пиджаком подчеркивала выпирающие мускулы на груди. Гладко выбритое лицо, темные, слегка выющиеся волосы, изрядно побитые сединой, цепкий взгляд непроницаемых глаз. Он на мгновение прервал трапезу, небрежно приподнял руку с ножом, приветствуя гостя, и вновь принялся за еду. Подполковник устроился напротив, подал знак официанту и заказал кофе.

– Зря ты, Рома, еду не заказал. Баранина отличная.

– Я уже обедал. Что ты хотел, Тагир?

– Торопишься? – хитро прищурился Гареев. – Может, я просто с другом пообедать решил.

Егоров саркастически хмыкнул и откинулся на спинку кресла. В голосе собеседника явно прослушивались нотки надменного превосходства, говорившие об истинной ценности всех этих заверений в дружбе.

– Странная у нас дружба. Когда мне что-то нужно, к тебе не достучишься. Зато когда у тебя проблема, ты меня из-под земли досташь.

– Да ладно, не перегибай. Когда это я от тебя бегал?

Егоров досадливо отмахнулся.

– Говори, не тяни.

– У тебя сейчас один козел сидит. С таблетками его взяли.

Кулёмин, кажется.

Подполковник с минуту пристально смотрел на собеседника, мысленно прибавляя нули к возникшим в голове образам цифр. Наконец он отхлебнул кофе и нехотя процедил:

– Ну-у-у. Есть такой. Твои таблеточки, что ли?

– Мои, не мои – тебе не один хрен? Вопрос о другом.

Подполковник сложил руки на груди и замер в ожидании.

Гареев умолк, как бы собираясь с мыслями, и через минуту продолжил:

– Хочу знать, что там произошло, что он твоим операм рассказал?

Егоров недовольно поджал губы, но перспектива заработать перевесила сомнения, и он в подробностях поведал детали уголовного дела: о случайном задержании, о штурме гаража и трех трупах, о качественном метадоне промышленного производства. Тагир слушал, казалось, без особого интереса, задумчиво ковыряя вилкой еду, и только когда подполковник дошел до предстоящей проверки фармацевтических фабрик, его взгляд приобрел жесткое, пронзительное выражение.

– Вот этот момент я и хотел обсудить. Нужно прекратить копать и закрыть это дело. Мне кажется, вы уже достаточно поработали.

Гареев достал ручку из внутреннего кармана пиджака. Написал цифру на салфетке и подвинул ее к Егорову. Тот мельком взглянул и удовлетворённо осклабился. Затем поднялся с места, молча пожал протянутую руку и быстро пошел к выходу.

– Вас в кабинете Мохов ожидает, Тагир Маратович, – предупредила секретарь, как только Гареев появился на пороге приемной.

Он молча кивнул девушке и прошел к себе. Сергей Мохов, самый близкий Тагиру человек, вальяжно развалился на дорогом кожаном диване. Он небрежно поднял руку, приветствуя хозяина кабинета. Мохов находился в окружении Тагира с самого начала его криминальной деятельности и, по сути, был не подчиненным, а, скорее, партнером по криминальному бизнесу. О его кровожадности и вероломстве ходили легенды, так как он и в самом деле расправлялся с врагами своего босса с изощренной жестокостью. Невысокого роста, крепкий, широколицый, с маленькими злыми глазками и шрамами на лбу и подбородке, он, в отличие от большинства боевиков, никогда не занимался спортом и все свои бойцовские навыки приобрел в уличных драках и разборках. Там же он освоил мастерство владения ножом, кастетом и другими подручными средствами, которые, не особо заморачиваясь о последствиях, нередко пускал в ход. А еще Мохов обладал невероятной живучестью дикого зверя. Бесчислен-

ные ранения заживали на нем как на собаке. Другой бы на его месте уже давно кормил червей в лесной яме или на кладбище, но только не этот. На одной из жестоких разборок в него на скорости врезался автомобиль. Тагир привез в больницу бездыханное тело и хорошо зарядил деньгами медперсонал, хотя особой надежды на спасение товарища не питал. Единственным неповрежденным местом у того была голова, остальные кости и органы находились в весьма плачевном состоянии. Но Мохов выжил и не просто выжил, а вышел из больницы через четыре месяца вполне бодрым и здоровым. Большинство из тех, с кем они начинали, уже давно почили в бозе. Одни пали на стрелках и разборках в 90-е, других просто убрали по приказу Гареева.

Люди с годами начинают считать себя не теми, кем являются по сути, начинают зарываться, требовать большего, выходят из-под контроля. Тагир не терпел ни малейшего неподчинения и самостоятельности. Группировка довольно быстро разрасталась в 90-е. И чем быстрее это происходило, чем сильнее ты становился, тем сложнее было контролировать ситуацию, тем неизбежнее приближался конец. В итоге на тебя ополчатся все: и криминал, и органы правопорядка. Ты останешься один против всех, и тебя просто убьют. Это происходило со всеми крупными группировками. Как снежный ком, они росли, росли, и это происходило помимо воли их руководителя. Если не принимать новых членов, они будут создавать свои структуры и начинать с тобой войну за терри-

тории. Замокнутый круг. Гареев нашел действенный метод и смог обуздать это явление. Бригадиры вливающих в структуру мелких группировок либо просто исчезали, либо надолго садились за решетку. Так же поступали и с рядовыми бойцами. Они с Моховым даже составили план по заготовке кандидатов для милиции на посадки. Ментам тоже спускали план сверху, который они с успехом выполняли при помощи Тагира. Все были довольны.

В четырнадцать лет Тагира Гареева одноклассники стали называть «чуркой». От матери-азербайджанки ему достались чуть смугловатая кожа, черные как смоль волосы и упрямый характер, от отца, татарина по национальности, – звучная фамилия да довольно обеспеченное детство. Отец хоть и имел высшее образование, но работал грузчиком на рынке, и семья отнюдь не бедствовала. Такую работу престижной не назовешь, но она открывала массу возможностей для дополнительного заработка. Конечно, нелегального, иногда противозаконного, но это был рынок, и, по сложившейся традиции, там царили свои законы – законы коммерции. Сын отнюдь не стеснялся занятия отца, но старался его не афишировать, хотя прекрасно понимал, что именно благодаря этому мог позволить себе гораздо больше, чем дети из семей интеллигентов. У него всегда были самые лучшие карандаши, линейки, фломастеры. В начальных классах всё было без проблем. Его отношения с одноклассниками складывались довольно ровно. Всё началось в седьмом

классе. Первого сентября он пришел на линейку в новеньких фирменных джинсах и тут же почувствовал себя белой вороной. Детская зависть – чувство, с которым невозможно справиться. Джинсы стали последней каплей, переполнившей чашу. Ему устроили бойкот. Кто первый обозвал его «чуркой», он не помнил, но одноклассники мгновенно подхватили это прозвище. Почти полгода он с устойчивой периодичностью приходил домой с синяками на лице. Мать пыталась выяснить подробности, но отец строго-настрого запретил поднимать эту тему в школе и только шпынял сына, обзывая его слабаком. Тагир молча терпел, но таил обиду. Он не понимал, почему на него все ожесточились, ведь ничего плохого он никому не делал. На фоне издевательств одноклассников у него начал формироваться скрытный, злобный характер, мальчик начинал тихо ненавидеть всех. Потом неожиданно всё наладилось. Семья переехала в другой район, и он стал душой компании в новой школе. Однако где-то глубоко внутри засели озлобленность и недоверие. Боязнь оказаться униженным заставила искать страховку, заставила стать сильным. Он записался в секцию бокса и только на ринге почувствовал себя в своей тарелке. Наконец он смог побороть страх и выплеснуть свои эмоции. Всё, включая учебу, отошло на задний план. Осталось только безудержное желание диктовать свою волю окружающим, и бокс стал средством достижения этой цели. На соревнованиях его успехи выглядели довольно скромно. Он не стремился стать чемпи-

оном, иногда откровенно сливая бой. Зато участилось его участие в уличных потасовках. Здесь, среди неподготовленных противников и при отсутствии запретов на приемы, он почти всегда выходил победителем, хотя не брезговал откровенным бегством, если понимал, что противник сильнее. Со временем у него выработался свой алгоритм уличной драки. В ход пошли всевозможные подручные средства: самодельные дубинки, свинчатки и даже велосипедные цепи. Победа любой ценой! В десятом классе, после очередной массовой драки, его поставили на учет в детской комнате милиции. Секция бокса была для него закрыта, но Тагир не жалел ни о чём, считая цель достигнутой. Его все знали на районе, боялись, и уже никому даже в голову не могло прийти обозвать его «чуркой». О своем будущем и перспективах он не задумывался, наслаждаясь достигнутым положением в среде подростков.

Через год его призвали в армию. На очередном утреннем разводе в распределительном пункте перед неровным строем призывников появился похмельный капитан в мятом кителе. «Покупатель» внимательно оглядел стриженных новобранцев и хрипло рявкнул:

– Спортсмены есть?!

«В спортроту набирают», – мелькнула мысль. Тагир, радостно улыбаясь, сделал шаг вперед. Тогда ему казалось, что он вытащил счастливый лотерейный билет. Если бы он хотя бы на мгновение мог представить, куда занесет его судьба, он

бы скорее врос в асфальт плаца, чем сделал этот шаг. Не известно, зачем капитан искал спортсменов, но часть, куда они прибыли после двух дней пути, оказался банальным стройбатом в уральской глухомани. Место, куда он попал, показалось ему зоной строгого режима, только называлось по-другому. Да и контингент там собрался соответствующий: те, кто успел до армии побывать в колонии, больные на голову с диагнозом «дебилизм», ну и ребята из дальних аулов, которые ни слова не понимали по-русски.

В карантине молодых никто не трогал, только после принятия присяги салаги начали нещадно гнобить. Главным показателем дисциплины в армии было отсутствие преступлений и происшествий. Поэтому неудивительно, что сор из избы не выносился. Дедовщина, землячество, мордобой, воровство – сплошное глумление над свободолюбивой натурой Тагира. Солдат, которого избивают, унижают, однажды встанет перед выбором. Можно было попытаться дать отпор, что с вероятностью в девяносто девять процентов обречено на неудачу, или плюнуть, приспособиться, смириться, как это делает большинство. Тагир, сжав волю в кулак и, образно говоря, наступив себе на горло, решил терпеть. Терпеть унижения, терпеть тяжелый труд в тридцатиградусный мороз, когда стынут руки и глаза слезятся от ветра. Этот первый год службы стал для него тяжелым уроком, намного более тяжелым, чем издевательства одноклассников или милиционеров. Он окончательно утвердился в своей правоте, что

только тот, кто может навязать свою волю при помощи силы, имеет право на успех в жизни. А для этого все средства хороши: можно напасть сзади, убить из-за угла, чтобы напугать остальных и навязать свои правила. Но главное – нельзя никому доверять. Его жестокость, беспринципность и иезуитская хитрость не знали границ. К концу службы он сумел подмять под себя практически всех. Весть о демобилизации Тагир встретил со смешанным чувством. С одной стороны, ему всё обрыдло: и тайга, и вечно пьяные рожи комсостава, и убогодочные товарищи. С другой стороны, он понимал, что на гражданке его никто не ждет с распростертыми объятиями. Нужно будет всё начинать сначала, чтобы занять достойное место под солнцем. По приезде домой Тагир не стал ничего выдумывать и, чтобы осмотреться, для начала устроился по примеру отца грузчиком на рынок. Там он и познакомился с Моховым, который вообще-то числился дворником, но метлу и в глаза не видел. Серый, по его выражению, следил за порядком и был на подхвате у директора, выполняя мелкие поручения. Нового сотрудника он сразу решил взять в оборот и показать, кто здесь старший. Однако с «наездом» вышел полный облом. Пригласив Тагира к себе в маленькую каптерку, Мохов начал беседу с легкого подзатыльника. Гареев-младший молча врезал ему в ответ по печени и добавил пару ударов по почкам уже валявшемуся на полу «начальнику». Серега затаил обиду и начал вынашивать план жестокой мести, однако ему не суждено было воплотить его в

жизнь. Первые группировки рэкетиоров стремительно захватывали районы столицы. Возникали первые спорные ситуации. Чаще всего при дележе коммерсантов, торгующих на рынках. Рынок, на котором обретались Мохов и Гареев, не стал исключением. К тому времени там прочно закрепились «люберецкие», и как-то само собой ребята оказались в составе одной из бригад. Разборки. Драки. Наезды на коммерсантов. Теперь они были намертво связаны. Тагир был очень доволен своим новым положением, но такая жизнь продолжалась всего пару месяцев, а в конце лета началась бандитская война «славянских» группировок с чеченцами. В той войне успех сопутствовал последним, тем более что столичная милиция серьезно ослабила «славян», устроив на них настоящую охоту. Многие бригадиры и простые боевики были арестованы. Тагир с Серым приняли решение срочно линять из Москвы в Питер. По первому времени достойного занятия там не нашлось, и пришлось им перебиваться банальными уличными грабежами. Серый не сильно заморачивался с методами воздействия на своих жертв, заправски орудуя ножом или кастетом. Тагир прекрасно понимал, что всё это не может продолжаться бесконечно. В конце концов они всё равно попадутся. Нужно было прибиваться к местной братве, но опять служить простым пушечным мясом не хотелось. Случайная встреча определила их дальнейшую судьбу. Еще когда он занимался боксом, их возили в Ленинград на соревнования. Тагир тогда ничего не выиграл, но навсегда за-

помнил парнишку, который отделал его в первом же раунде. Оба сильно изменились за прошедшие годы, но для его соперника это была первая в жизни победа, и поэтому он тоже запомнил Тагира. Вадим Орлов по кличке Граф к тому времени стал известным авторитетом в Ленинграде. Его группировка насчитывала больше пятидесяти бойцов и контролировала приличный район северной столицы. Уже через несколько месяцев Гареев сумел завоевать доверие Графа и прочно закрепился в роли его правой руки.

– Привет, как пообщались? – поинтересовался Мохов.

– Привет, Серый, как всегда, продуктивно. Ты знаешь, если честно, то я не ожидал, что менты так быстро на след выйдут.

Серый встрепенулся, перестал тормозить, поменял позу и напрягся.

– След? Интересно, что они нарыли?

– Пока не много, но хотели начать фабрики шерстить. Во время я подсутился. Теперь дело закроют, и мы можем расслабиться. Ты нашел этого уroda?

Серый кивнул и встал с дивана.

– Он в подвале. Я с ним потолковал немного. Давай решай, что дальше. Только, я думаю, нужно от него избавляться. Ненадежный он, да и засветиться мог.

– Хорошо. Пойдем посмотрим на него.

Серый мотнул головой и брезгливо скривил рот, всем своим видом давая понять, что идея босса ему не нравится.

Бетонная лестница, начинавшаяся в узком проеме, ныряла вниз и заканчивалась массивной стальной дверью. Мохов вставил в еле заметную щель длинный узкий ключ с прорезями по бокам и с усилием нажал на него. Дверь легко поддалась и распахнулась – мягко, почти беззвучно. Тут же в комнате вспыхнул свет. На голом матрасе, в центре бетонной коробки без окон, лежал человек. Он напоминал освежеванную тушу, на которую зачем-то напялили одежду. Синюшное распухшее лицо в кровоподтеках и рассечениях, засохшая кровь на одежде. Глаза Тагира удивленно расширились и стали постепенно наливаться кровью.

– Серый, твою мать! Ну на хрена! Ты что с ним сделал?

– Ничего, – тихо буркнул Сергей. – Он мне лапшу на уши пытался вешать, ну и пришлось...

– Ты, маньяк долбаный! Что теперь с ним делать?!

Последние лет десять Тагир вел довольно спокойный, размеренный образ жизни. Криминальные разборки за место под солнцем, передел бизнеса – всё это осталось в прошлом. Слава криминального авторитета, прочно закрепившаяся за ним, упорно подогревалась слухами о жестоких расправах с его конкурентами. На самом деле эти слухи распространяли его же люди. Тагира боялись, и в последние годы ему даже не приходилось прибегать к превентивным мерам воздействия на своих врагов. Было достаточно просто его слова или просьбы. Только, похоже, Серый заскучал по былым временам. Тагир удрученно покачал головой.

– Так он хоть что-то успел рассказать тебе?

– В принципе, ничего нового. Когда получил товар у нашего человека из «Фармалинда», решил отвиснуть у своей новой телки. Он, оказывается, эту тему уже месяц практиковал. Сразу после закупки нырнул к ней. А у нее брат – один из этих троих бандосов, которых ОМОН покروшил. Короче, она братцу слила инфу про наркоту, и ребята приняли его прямо в подъезде. Он им всю нашу кухню рассказал: где брал, у кого. Так что если бы их полиция не замочила, они бы прямо на склад заявились, просто ждали поставку. Кончать его нужно.

Гареев поморщился, но согласно кивнул, повернулся и стал медленно подниматься по лестнице. За спиной раздался тихий хлопок выстрела.

Тагир вернулся к себе, молча прошел мимо секретарши, резко хлопнул дверью в кабинет и тяжело опустился в кожаное кресло. Ситуация с наркотой не давала успокоиться, но больше всего напрягало то, что отлаженная схема дала сбой. Самая прочная цепь рвется на слабом звене, только всё было построено на том, чтобы исключить эти слабые звенья. Теперь еще и труп в подвале! Серый вечно торопится. А может, он и прав. Курьер накосячил по полной, и, похоже, другого выхода не было. Если уголовка будет копать дальше по связям мертвых грабителей, то рано или поздно они выйдут на сестру одного из них, а там и на курьера. Блин, сестра! Тагир недовольно поморщился, затем резко встал с места и

подошел к окну. Он с минуту наблюдал за людским потоком – разнородной толпой людей, спешащих по проспекту. Серая безликая масса, и каждый в ней обременен своими проблемами и мечтами, каждый мнит себя центром мироздания. Ничтожества! Тагир усмехнулся своим мыслям, затем повернулся к столу и нажал кнопку селектора.

– Вызови Мохова, срочно! – рявкнул он, когда услышал голос секретарши.

Через несколько минут Серый появился на пороге кабинета. Гареев поманил его к себе рукой и тихо спросил:

– А что там с телкой этого козла, ну с сестрой грабителя? Ведь могут и на нее выйти.

Мохов дернул уголком рта и согласно кивнул.

– Мои уже занимаются. Они у нее на хате торчат, ждут с работы.

Гареев вопросительно поднял брови. В ответ Серый удрученно развел руками.

– Другого выхода не вижу. Нужно зачищать по полной программе.

– Согласен! Только сделай так, чтобы их никто не нашел. Сбежали любовнички – и с концами.

– Первый раз, что ли, – успокоил Серый. – Спрячем наглухо.

– Ладно, иди.

Когда за Моховым закрылась дверь, Тагир широко зевнул, затем устало потянулся. Как же скучно, черт возьми! В по-

следнее время окружающие всё больше раздражали его, нагоняя нестерпимую тоску и уныние своей тупостью. Осточертело всё! Может, плюнуть и рвануть к семье в Австрию? Гареев встал с места, бодро прошелся по кабинету, потряхивая головой. Жена, дочь и его мать уже пять лет жили в Вене, изредка появляясь в Москве. Нет, он абсолютно не скучал по ним. Мать после смерти отца просто плешь проела ему, требуя внуков, поэтому семья была не более чем дань устоявшимся обычаям. По сути, это она подобрала ему невесту, а он не стал возражать. Свою женитьбу Тагир считал делом проходным, но удачным. Жена, покладистая, домашняя девушка, ни разу не дала ему повод для раздражения или ссоры. Он был уверен, что даже любит ее, любит так, как он сам понимает это чувство. Хотя семейные отношения и не обременяли его, Гареев не преминул при первой возможности отправить близких подальше. Так ему было удобнее. Тагир вернулся в кресло за столом и нажал кнопку селектора.

– Зайди для устного перевода, – бросил он в микрофон.

Секретарша вошла, призывно покачивая бедрами и расстегивая на ходу блузку. Дежурная мысль посетила хозяина кабинета: «Неужели в таком количестве силикона продолжается жизнь?» Он криво усмехнулся, развернул кресло и поставил колени. Девушка бросила на пол диванную подушку, опустилась перед ним на колени и, нащупав рукой замок молнии на джинсах, аккуратно потянула его вниз. Тагир расслабленно выдохнул и откинулся в кресле.

* * *

Майор Горлов влетел в кабинет оперов, со злостью хлопнул за собой дверь, рухнул в кресло за рабочим столом и громко выкрикнул:

– Козел!

Его коллеги заинтересованно уставились на майора.

– Ты кого так ласково, Алексеевич? – уточнил Афонин.

Пётр Алексеевич исподлобья посмотрел на оперов, сидящих за своими столами, и небрежно отмахнулся. Только когда они остались в кабинете вдвоем с Николаем, он вернулся к разговору.

– Это я про Егорова. Он запретил нам заниматься метадоном.

– Почему?

– Да хрен его знает! Говорит, нет перспективы. Других дел полно, а это мы уже закрываем.

– Ничего себе «нет перспективы»! Я уже план набросал, как нам эти таблетки идентифицировать.

– Коля, не тупи.

– А проверить-то всё равно нужно.

– Официально дело закрыто.

– Жаль, а то я уже тетке своей позвонил. Обещала помочь.

– А тетка здесь при чём?

– Так она у меня аптечным складом командует. У нее об-

разцы любого лекарства достать можно.

Горлов, пристально глядя в стол, начал задумчиво массировать гладко выбритый подбородок. «Нет, неспроста Егоров запретил заниматься этим делом. Кто-то, по-видимому, заплатил ему. А может, не ему. Может, кому-то повыше. А может, вообще наш начальник крышует поставки этой дряни. Да пошло оно всё к чертям! Мне что, больше всех надо?! Проехали!» Майор почувствовал себя легавой, у которой из-под носа ушел заяц. Захотелось накатить граммов так сто пятьдесят, выкурить сигаретку. После развода он решительно отказался от пагубных привычек. Бросил курить, спиртное позволял себе только по выходным, и то довольно умеренно, обязательная утренняя разминка, почти спартанская диета. Было адски тяжело, но результат оправдал усилия. В последнее майор чувствовал себя превосходно, бодрым и полным сил. Оставалось только придумать, куда или на кого эти самые силы потратить. Мысли поехали в сторону, противоположную работе: «Бабу завести, что ли?» Периодически он прибегал к услугам проституток, но кроме физической близости хотелось чего-нибудь постоянного. «Зинаида?! Пожалуй, сопляк прав». Горлов чувствовал ее симпатию к себе и полностью разделял её чувство. Он отпустил подбородок, поднял голову от стола и хлопнул по нему ладонью.

– Забей-ка ты на всё это, Коля. Так будет спокойнее.

Затем напруг лицо, собираясь с духом, взял со стола мобильный и набрал номер.

– Зинаида Петровна, привет. Хочу пригласить тебя на обед.

Майор сосредоточенно выслушал ответ абонента и удовлетворенно крякнул.

– В двенадцать жду на выходе.

Он отключил телефон и, заметив хитрую ухмылку на морде старлея, криво усмехнулся в ответ. После слегка пригладил волосы, подхватил куртку со спинки стула и двинул на выход. Афонин, проводив его взглядом, поднял трубку стационарного телефона.

– Теть Вер, привет. Ты у себя?.. Хочу подъехать.

Он похлопал по карманам, проверяя, всё ли на месте, и пробормотал себе под нос:

– Нет, Пётр Алексеевич, я все-таки проконсультируюсь. А там посмотрим.

Разбуженный запахом свежесваренного кофе, Горлов перевернулся на спину, глубоко втянул ноздрями воздух, быстро выбрался из постели и, на ходу натягивая джинсы, прошлепал на кухню. Он остановился в дверях и задержал взгляд на плотных бедрах с приличной задницей под форменной юбкой. Всё смотрелось очень аппетитно и сексуально. Майор слегка тряхнул головой, как бы отгоняя видение, однако всё осталось на своих местах: и красивая женщина у него на кухне, и запах кофе, и приятное чувство домашнего уюта. Он уже не помнил, как у него начиналось с первой же-

ной, но таких ощущений, близких к блаженству, он припомнить не мог. Зинаида обернулась, приветливо подняла руку и дернула уголками губ, обозначая улыбку. Правильное лицо, серые глаза под пушистыми, не выщипанными бровями, вздернутый носик. Майор с удовольствием перебирал события вчерашнего дня: обед, короткую прогулку и последовавшее за всем этим объяснение. Впрочем, по большому счету, объяснять-то ничего и не пришлось, они оба были готовы к отношениям. Как-то всё получилось само собой, по умолчанию. После работы он ждал ее возле отдела, и они, как будто заранее договорившись, отправились к нему домой. Потом были ночь вместе и приятное пробуждение. Горлов двинулся вперед, обнял женщину за талию, ткнулся губами в её шею. Она откинула голову назад и в ответ чмокнула его в щеку.

– Отпускай. Мне бежать нужно. Я на девять людей вызвала.

– Подождут, – ворчливо заявил майор. – Я тоже люди.

– Давай-давай, собирайся. Вдруг твой начальник тебя тоже искать будет.

– Да пошел он!

– Чего так? – скривилась Зинаида. – Не сработались?

– Нормально, только дело приказал закрыть. Главное, просвет наметился, а он сворачивать заставил.

– Это он может. Я его по области знаю. За бабки любое дело развалит.

– Думаешь, заплатили?

– А то! Чего бы он так тебя торопил? Конечно, зарядил кто-то.

Зина вывернулась из объятий Горлова, на ходу допила кофе и накинула на плечи форменный китель.

– Побежала. Созвонимся в обед.

– Подожди, подвезу.

– Не нужно. Давай пока не будем дразнить коллег.

Зинаида надела пальто, подхватила с пола маленький черный портфель и выскользнула на лестничную клетку. Озадаченный ее словами Горлов захлопнул дверь и вернулся на кухню. Задумчиво ковыряя вилкой приготовленную Зинаидой яичницу, он продолжил прикидывать свои дальнейшие перспективы. «Не сработались», – эти слова не выходили у него из головы. А ведь и правда. Сколько он еще сможет выдержать такое отношение к себе, чтобы не взорваться? Вопрос! А уходить тоже не вариант. Опять без службы, опять всё по новой. Нет, нужно как-то притираться, вживаться в эту реальность. Эх, дело бы какое интересное!

От тоскливых размышлений его отвлек звук телефона. Афонин! Майор автоматически отметил время, удивленно нахмурился и ответил на звонок.

– Привет! Ты чего так рано?

– Петр Алексеевич, я задержусь на пару часов.

Горлов хотел было небрежно дать добро, но решил включить старшего.

– А что у тебя случилось? – задал он дежурный вопрос.

– Встречаюсь с осведомителем. У него есть важная информация.

– Давай.

Горлов отключил телефон и небрежно отодвинул от себя тарелку.

– Осведомитель у него, – саркастически проворчал он себе под нос. – Вчера пришел на землю, а уже стукачами обзавелся. Шустрый!

Как всякий опер, Пётр Алексеевич терпеть не мог бумажную работу, которой, кстати говоря, за этот месяц накопилось более чем достаточно. Всё утро он провел за рабочим столом, составляя отчеты, поэтому к обеду его настроение было, как говорится, ниже плинтуса. Два часа, которые утром обозначил Афонин, явно затянулись, и когда он наконец появился в кабинете, то майор просто взорвался. По большому счету, ему было глубоко наплевать на опоздание напарника, тем более что с бумагами у того всегда был полный порядок, но нужно было на ком-то сорвать злость.

– Ты что, совсем охренел?! – заорал он благим матом в ответ на банальное «здрасьте». – На часы смотрел?!

Афонин с невозмутимым видом демонстративно поддёрнул левый рукав куртки и уставился на циферблат наручных часов.

– Да! Вот смотрю. Действительно, неувязочка.

Нахальный тон и демонстративное поведение напарника несколько охладили пыл майора. Чутье оперативника под-

сказало ему, что старлей выпендривается неспроста. Похоже, информация его осведомителя действительно была интересной. Горлов захлопнул лежащую перед ним на столе папку и вопросительно уставился на Афонина.

– Ну, рассказывай, что там у тебя?

Старлей медленно стащил с себя куртку, аккуратно построил ее на спинку стула и уселся на краешек рабочего стола. Горлов, не отрываясь, следил за его манипуляциями, начиная терять терпение.

– Короче, – начал старлей, – я все-таки решил проконсультроваться. Смотался на аптечный склад, и тетка дала мне три образца похожих таблеток. Теперь сделаем анализ и поймем, где производят наши.

Горлов нервно скривился, закусив нижнюю губу.

– Как это? По каким параметрам?

– Форма, цвет. Они же их камуфлируют под легальные таблетки, значит, кроме метадона, там будут вспомогательные вещества. И наверняка те же, что и в легальном препарате. А каждый производитель применяет свои. Рецептúra индивидуальная.

– Дубовая идея. Да и на хрена это нам нужно? Без подписи подполковника нам всё равно в лабораторию хода нет.

– Ну и обойдемся. На нашей лаборатории свет клином не сошелся. Я другую нашел.

Майор с минуту хмуро пялился на своего напарника, затем тихо поинтересовался:

– А ты что, наркоту из вещдоков тиснул для анализа?

– Ну да.

– Блин! – возмущенно воскликнул майор. – Таблетки же посчитаны!

– Ерунда. Смотри.

Афонин достал из кармана пакетик с двумя таблетками и положил на стол перед майором. Тот взял его в руки, потер пальцами через полиэтилен желтоватые кружочки и непонимающе поднял глаза на старлея.

– Ну, наша наркота.

– А вот и не угадал! – ухмыльнулся Николай. – Это болеутоляющие таблетки со склада. Вернее, это один из образцов. Один в один как наши. Остальные два тоже похожи, но эти вообще не отличить. Так что их в сейф положим, и всё будет тип-топ. В них даже наркота есть, только легальная, которую по рецепту продают.

– Тип-топ?! – скривился майор. – Чую, боком нам выйдет твой тип-топ. Егоров не зря дал команду дело закрывать. По ходу его... – Горлов хотел сказать «купили», но осекся. Не то чтобы он не доверял напарнику, но не счел нужным делиться своими умозаключениями, – ...тоже начальство нагнуло.

– Вот и я так подумал, – радостно подхватил Николай. – Добудем материал – будет с чем идти к руководству.

Майор не разделял оптимизма своего коллеги, но червь любопытства уже зашевелился глубоко внутри, и он понимал, что теперь не остановится.

– Так что за лаборатория?

– Тетка подсуежилась. Они там свои лекарства проверяют.

– А как она тебе образцы достала?

Коля небрежно отмахнулся.

– Излишки. Ты думаешь, мало способов у заведующей списать несколько упаковок?

– Бардак, – буркнул майор. – Это же препараты строгой отчетности.

– Не смейся. Кого это в нашей стране когда-то останавливало?

– И часто списывают?

Афонин вытаращил глаза на майора.

– Ты что, Пётр Алексеевич, мою тетку решил в разработку взять?

Горлов поднял ладони перед собой и тихо засмеялся.

– Спокойно, спокойно. Просто привычка. Профессиональный интерес.

Сомнения и вместе с тем дикое желание продолжить исследование раздирали его на части изнутри. Еще минуту назад самой главной проблемой в его жизни были отчеты, которые он спрятал в папку. Сейчас же ему предстояло сделать выбор. Либо послать старлея подальше и спокойно вернуться к текущим делам, либо пойти против приказа и заняться этими чертовыми таблетками. На самом деле решение было принято, и вся эта душевная борьба была не более чем формальностью, уловкой для очистки совести. Да и своему

начальнику очень хотелось насолить: пусть не поставит на место и вывести на чистую воду, но хотя бы ущипнуть побольнее.

– Когда будут результаты?

– Дня через три. Но мне и так всё понятно. Эти таблетки – с питерской фабрики компании «Фармалинд», – разгорячился Афонин.

– Тебе понятно, а мне нет, – отрезал Горлов. – Нужно быть уверенным на все сто. Только тогда начнем копать под них. А так можем и обгадиться. В этом случае нам точно конец. Это вообще что за компания?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.